

Марина Крамер

ЧЕРНАЯ

ВДОВА

В аду развод не принят

Марина Крамер

ЧЕРНАЯ ВДОВА

Черная вдова Марина Коваль

Марина Крамер

**Черная вдова. В аду
развод не принят**

«Марина Крамер»

2009

Крамер М.

Черная вдова. В аду развод не принят / М. Крамер — «Марина Крамер», 2009 — (Черная вдова Марина Коваль)

ISBN 978-5-699-33360-8

Все проходит – и боль, и обида, и ощущение безысходности. Глава криминальной группировки Марина Коваль по кличке Наковальня рассталась с любимым мужем Егором Малышевым. Однако ей некогда жалеть себя. Первым и главным делом стал суд над, жестоко избившими Марину на допросе сотрудниками милиции. И хотя правда на стороне жертвы, трудно сказать, кто же все-таки победит. В городе появляется вор в законе Гриша Бес. Он метит на трон «смотрящего», а заодно на сердце прекрасной Коваль. Та в ужасе от подобной перспективы. Но разве пристало Наковальне уходить от опасности? И Марина принимает вызов...

ISBN 978-5-699-33360-8

© Крамер М., 2009
© Марина Крамер, 2009

Содержание

Часть I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Марина Крамер

Черная вдова. В аду развод не принят

Часть I

Страсти футбольные и иные

Вот и весна...

Пустая загородная трасса больше напоминает обмелевшую речушку – три дня шли непрерывные дожди, вода скапливалась в небольших выбоинах, на обочинах, не успевая высыхать или уходить под землю. По этим лужам, рассыпая вокруг брызги, летят два джипа. Скорость запредельная, и притаившиеся в придорожных кустах гаишники радостно расчехляют радар, в предвкушении потирая руки, но вдруг старший из них, полный, краснолицый лейтенант, узнает номер идущей впереди машины.

– Убирай радар, Витек! – он машет рукой, сплевывает и уходит назад, в припаркованную «патрульку».

– Ты чего, Дмитрич? – удивленно интересуется молодой, втискиваясь следом и недовольно глядя на напарника. – Там все сто шестьдесят было!

– Было, – согласно кивает лейтенант, доставая из кармана сигарету. – Но ты всегда на номерок внимательно смотри. И на марку машины, чтобы потом чего не вышло. А этот джип, что первым шел, вообще один такой на мно-о-го километров вокруг. Знаешь, кто это был?

– Нет, – моргает белесыми ресницами Витек. Он совсем недавно работает в ГИБДД, а потому многого не знает.

– А зря! – наставительно произносит краснолицый. – Потому что этот «Хаммер» надо узнавать за версту, если хочешь долго и счастливо жить. Это сама Наковальня поехала, слышал про такую?

– А-а! – уважительно тянет молодой. – Тогда понятно...

...Оказывается, все проходит – и боль, и обида, и ощущение безысходности, особенно если некогда заикливаться на своем горе, некогда копаться в себе и постоянно себя, любимую, жалеть. На Марину навалилась такая куча дел и проблем, что она и думать забыла о том, что муж решил расстаться с ней, что вот уже месяц, как он не звонит и не подает вообще никаких признаков жизни.

Первым звоночком стала повестка с приглашением явиться в прокуратуру к следователю. На беседу, так сказать. Хохол не разделял Маринино оптимизма по поводу этой встречи:

– Подставляешься опять. Сидела бы тихо, пока все не улеглось...

– Если я буду сидеть тихо, ничего не произойдет, понимаешь? Димка ясно сказал – нет моих показаний, значит, нет никакого дела. Вот и прикинь, что будет, когда Гордеенко и Климов выйдут из СИЗО. Тогда точно труба, такого они мне не простят ни за что. Так что выхода нет, Женя.

Хохол обнял ее сзади, прижался губами к затылку и часто задышал. Коваль развернулась к нему лицом и, закинув на шею руки, посмотрела в глаза:

– Ну, что ты? Еще ничего не произошло.

– Я думать не хочу про то, что может произойти, – пробормотал Хохол и крепко прижал ее к себе, стараясь не смотреть в лицо. – Я теперь понимаю, почему говорят, что нельзя связывать себе руки постоянной женщиной. Становишься слабым от ежеминутной боязни потерять.

– Глупости, Женя, куда я не денусь, прекрати хоронить меня раньше времени.

Она погладила его по щеке, дотянулась до губ и поцеловала, и Хохол впился в нее, словно хотел этим удержать, заставить остаться дома, никуда не ехать.

– Идем ко мне, киска... – попросил он севшим от напряжения голосом. – Прощу тебя, пойдем...

Он по-прежнему отказывался ночевать в ее спальне, вообще предпочитал не заходить туда, если была такая возможность; ему проще было у себя, в маленькой комнате рядом с прихожей, именно туда он уводил, уносил или просто утаскивал Марину, там опрокидывал на узкую кровать. Она не сопротивлялась, ей и самой не очень нравилось его присутствие в постели, где раньше всегда был муж. Не то чтобы Марина очень страдала, нет, но спать предпочитала все равно одна, чтобы во сне, не дай бог, не назвать Хохла, например, Егором.

Муж снился ей первое время едва ли не каждую ночь, она просыпалась в слезах, потом весь день рычала на охрану, но с каждым днем боль становилась все менее сильной, притуплялась, отходила на второй план. Марине иногда начинало казаться, что и не было в ее жизни никакого Малыша, не было ничего, что связывало их.

Сколько раз Коваль заставляла себя не подходить к телефону и не пытаться набрать знакомый номер, особенно когда ей был нужен совет, сколько раз она уговаривала себя вообще больше о нем не думать... Но ведь все проходит...

Хохол замер, ожидая решения, а Коваль задумалась и не замечала этого. Она вообще часто стала впадать в такое странное оцепенение, могла просто молчать и смотреть на себя-седника, при этом не видя его.

– А... нет, Женька, не сейчас, – помотав головой, Марина стряхнула с себя оторопь. – Мне уже пора ехать, иди, готовь машину.

Разочарованный Хохол вышел во двор, а Коваль поправила макияж и прическу, неторопливо оглядела себя в зеркале и улыбнулась отражению:

– Ну что, красотка, вперед, под танки?

Это было очень недалеко от истины – неизвестно еще, что заследователь занимается этим делом, как он отреагирует на Маринину персону, вернее, как его настроили местные стражи порядка.

Пока огромный черный «Хаммер» летел по мокрой майской дороге в город, Коваль курила и думала, о чем же пойдет сейчас речь, и вообще – не превратится ли она из потерпевшей в обвиняемую. А что, у них в городе чего хочешь можно ожидать. У здания городской прокуратуры уже ждал Петрович – адвокат Малыша, доставшийся Марине, так сказать, в наследство. Вальяжный седой мужчина прогуливался возле серебристой «БМВ», зажав под мышкой какую-то папку, и с первого взгляда на него становилось ясно, что этот адвокат получает гонорар не в государственной конторе.

– О, Марина, наконец-то! – помогая ей выйти из машины, проговорил Петрович. – Стою тут битый час, как первокурсник на свидании. Ведь велел тебе – не опаздывай!

– Петрович, ты за базаром-то следи, – мрачно посоветовал Хохол, закуривая сигарету. – Поди, не с уркой разговариваешь – «велел»!

– Расслабься, Хохол, – процедила Коваль сквозь зубы, оглядываясь по сторонам – не по себе ей было возле этого заведения. – Ты меня нервируешь. Что, Петрович, пойдем?

– Да, дорогая, пойдем – раньше сядешь... ну, сама знаешь, да?

– Не шути так больше! – предупредила Марина, разозлившись. – За что я тебе тогда деньги плачу?

– Ты все такая же конкретная дама, как и была, – галантно подставил ей локоть адвокат, чтобы Марина могла опереться на него, а не на трость, с которой опять не расставалась. – Как живется-то?

– Как видишь, Петрович, не пропала.

– Молодец, дорогая, всегда в форме, всегда по понятиям. Откуда ты понахваталась только всего этого? – Адвокат пропустил ее вперед, в узкую дверь прокуратуры, и повел дальше по коридору, к кабинету следователя.

Коваль не удостоила его ответом, меньше всего ей хотелось сейчас обсуждать причины, приведшие ее в этот мир, да и начало потряхивать от волнения.

Здание прокуратуры было старое, построенное еще в прошлом веке, и его темные, узкие коридорчики со множеством одинаковых дверей наводили на мысль о сходстве с лабиринтом или игрой в поиск сокровищ. В Маринином случае сокровищем можно было считать свободу и безопасность.

Кабинет следователя находился на третьем этаже особнячка, пришлось преодолеть несколько довольно крутых и расшатанных лестниц. Марина недовольно пробормотала:

– За те взятки, что здесь берутся, можно было уже приличный ремонт сделать. Или хотя бы лестницы поменять.

– Дорогая, рот открывай пореже, на вопросы отвечай кратко и по существу, лишнего не пори, – инструктировал ее между тем Петрович.

– Ты еще поучи меня, как разговаривать! – огрызнулась Коваль, берясь за ручку двери. – Смотри сам лишнего не наговори!

Войдя в кабинет, Марина едва не упала от неожиданности – за столом сидел тот самый следователь, который вел ее дело несколько лет назад, когда ее пытались обвинить в попытке покушения на Егора. Он практически не изменился, разве что на высоком лбу залегла морщина да складки в углах рта стали отчетливее. Коваль сохранила об этом человеке хорошие воспоминания – если бы не он и не его желание разобраться в происходящем, неизвестно, чем вообще закончилось бы то громкое дело.

«Как его звали, дай бог памяти? А, ну, точно – Михаил Андреевич!»

Весь стол был завален папками, какими-то бумагами, там же, в общей куче, стояли большая кружка и блюдо с бутербродом, которые следователь неловко попытался замаскировать от глаз вошедших. Он тоже узнал Марину – да и не очень-то она изменилась за это время.

– Здравствуйте, Марина Викторовна! Вот и снова встретились, жаль, правда, что при похожих обстоятельствах, – произнес он, вставая из-за стола и направляясь к Марине, но вдруг осекся и замер на месте, увидев трость. – Что с вами, Марина Викторовна?

– О, сущий пустяк, Михаил Андреевич! – очаровательно улыбнулась она, усаживаясь к столу. – Так, ерунда – пулевое ранение позвоночника, остаточная хромота.

Следователь с любопытством оглядел ее с ног до головы, отметив, что такой очевидный дефект внешности совершенно никак не отразился на поведении старой знакомой. Гражданка Коваль осталась абсолютно такой же – уверенной в себе, яркой и вызывающей. Вот она привычным жестом повесила трость на спинку стула, перебросила больную ногу на здоровую, отвела рукой упавшие на плечи длинные черные волосы, выложила на стол пачку сигарет и дорогую зажигалку. Михаил Андреевич словно устыдился своего не слишком свежего свитера и взлохмаченных волос, пригладил их руками и от этого почему-то рассердился. «Ну и что, что она женщина? – одернул он себя. – В этом кабинете не бывает деления на мужчин и женщин. Только на правых и виноватых. Тогда почему я не могу думать о том, что она может быть в чем-то виновата? Ведь я прекрасно знаю, кто она... Но дело, дело! Там такие свидетельские показания, что у меня нет никакого желания защищать честь мундира и выгораживать этих трех ублюдков в погонах. И дело даже не в том, что я прекрасно знал ее мужа, нет! Есть пределы, ниже которых опускаться нельзя». Следователь так и стоял у двери кабинета, рассматривая посетительницу и совершенно не обращая внимания на ее адвоката, нетерпеливо покашливавшего в углу.

– Вы по-прежнему занимаетесь тем же, Марина Викторовна?

– Что вы имеете в виду? Я занимаюсь игорно-ресторанным бизнесом, если вы об этом, – она вскинула на него синие глаза, и следователь чуть смехался.

– Ну, я так и понял, – сухо бросил он, возвращаясь к столу и открывая папку с бумагами. – Тогда формальности опустим и перейдем к сути?

Марине все стало понятно – наслушался мальчик Миша страшных историй про злую бабу Коваль, теперь не отмоешься. Словом, надеяться на понимание было глупо и бесполезно, и Марина отступила, замкнулась, решив только отвечать на задаваемые вопросы.

Завязался вялый диалог – кто, что, где, что говорили, что делали, кто первый ударил, куда, как... Изредка все это прерывалось репликами адвоката. Марину напрягали вопросы, отвечать на которые она была вынуждена в присутствии постороннего мужика, особенно та часть, когда начались подробности. Она непрерывно курила, высадив всю пачку, даже в горле запершило, адвокат недовольно морщился – в кабинете стало тяжело дышать. Следователь сосредоточенно писал, стараясь не упустить ни одной мелочи, Коваль начала злиться и нервничать, и он, поняв, что вот-вот она сорвется, успокоил:

– Еще пара вопросов, и отпущу, Марина Викторовна. Но должен предупредить, что предстоят еще очные ставки.

Вот это было вообще ни к чему – Марина представила, как польют ее грязью разжалованные менты... И видеть эти рожи снова тоже не хотелось. Но выхода не было.

...Когда кошмар закончился, она вылетела из здания прокуратуры, забыв даже хромать хоть для виду – так хотелось на воздух, домой, к Хохлу, куда угодно, лишь бы только подальше отсюда.

Женька курил у машин, мрачно глядя на входную дверь, за которой несколько часов назад скрылась Марина.

Он сделал шаг навстречу, но, оценив выражение ее лица, остановился, осознавая неуместность своего порыва.

– Как прошло?

– Поехали, по дороге расскажу, – захлопывая за собой дверцу «Хаммера», бросила Коваль.

Охрана попрыгала в тачки с завидным проворством – мало кому хотелось получить нагонный от ставшей совершенно непредсказуемой хозяйки, и они поехали наконец-то, но по дороге Марина вдруг передумала и развернула машину, направившись в «Стеклянный шар».

Там ее не ждали, но очень быстро очистили татами-рум от засевших посетителей – общий зал Марина не любила, да и спокойнее было в маленьком уютном помещении. Она вошла туда вдвоем с Хохлом, остальные расположились в зале прямо у входа, сдвинув два стола и образовав живую стену.

– Сапогиними с меня, – устало велела Коваль, и Хохол опустил на колени, стягивая узконосые замшевые сапоги.

– Нога болит?

– Нет, устала просто.

Он немного размял ей правую ногу, которая от напряжения чуть подрагивала в колене, Марина зажмурилась от прикосновения его пальцев и пробормотала:

– Еще немного, и ты меня уговоришь...

Хохол засмеялся и оставил ее ногу в покое:

– Потерпи до дома, ладно? Что есть будешь?

– Как обычно.

«Как обычно» – это порция роллов с семгой, гречишная соба и пара чашек саке. Хохол поморщился, недовольный тем, что Коваль опять начинает пить еще днем.

– Женя, расслабься, мне нужно стресс снять. Сделать это можно только двумя способами, и вот этот – сейчас самый доступный и безобидный. – Она откинулась на диванчике и посмотрела на Хохла, чуть прикусив губу. – Или ты предпочитаешь устроить здесь беспредел?

– Нет, киска, это мы с тобой дома устроим, – пообещал он, укладывая в пальцах хаши и принимаясь за свое любимое мясо. – У меня есть одна идея...

– Ты меня заинтриговал, – отправляя в рот ролл с семгой, протянула Марина, не сводя с Хохла пристального взгляда. – Интересно, что же это будет, дорогой?

– Там увидишь, киска, не порти мне удовольствие.

Коваль видела, что он влюбился, как пацан, но взаимностью ответить, к сожалению, не могла – все перегорело внутри с уходом Малыша. Хохол злился, но вида не подавал, зная, что стервозной и упрямой Коваль ничего не стоит подыскать ему замену, благо желающих всегда полно, только свистни – и очередь выстроится, как к Ильичу в Мавзолей.

– Марина Викторовна, можно к вам? – раздался из-за двери голос Данила.

– Заходи.

Охранник вошел с огромным букетом кроваво-красных роз, штук сорок, наверное, было в этом венке. Марина изумленно оглядела букет, перевела взгляд на Данила.

– Это вам какой-то делован передал, – пояснил тот.

– Дай сюда! – рявкнул Хохол, выхватывая у него из рук цветы и отходя к двери. – Ты не знаешь, что, прежде чем отдать ей что-то, ты должен все растряссти и просмотреть, нет ли там чего лишнего?

– Да я проверил, Жека, – там записка только.

– Хохол, прекрати маразм! – велела Марина. – Записку!

Он недовольно повиновался, и Коваль развернула небольшой листок из явно дорогого ежедневника – острым, мелким почерком на нем было написано:

«Красивая женщина – наказание для кошелька, но для глаз – радость. Надеюсь на продолжение знакомства». Подпись была совершенно незнакома, Марина повертела записку в руках и сморщилась:

– Фу, какая пошлость! Кто принес?

– Они в самом углу сидели, когда мы приехали – мужик в песочном костюме, с ним охрана, человек пять. Вы сюда вошли, а он сразу одного за цветами отрядил и перед уходом передал нам букет и записку, – отрапортовал Данила.

– Так, это понятно. Что за мужик – местный?

– Нет, я раньше не видел, иначе запомнил бы, очень уж лицо у него приметное – шрам над губой и на виске родинка, как пулевое отверстие.

– Интересно... а с чего ты взял, что он деловой?

– Уверенный очень, Марина Викторовна, по-хозяйски так держался. – Данька редко ошибался в такого рода вопросах, чутье его почти не подводило, так что верить было можно. Но описание, данное охранником, ни о чем Коваль не говорило.

– Понятно. Можешь идти, Данила. – И, когда он вышел из татами-рум, Марина обратилась к враждебно глядящему на дверь Хохлу: – Что ты думаешь?

– Что тут думать? Опять у кого-то свело кое-где, – скривился он. – Веник-то немалых денег стоит.

По лицу телохранителя пробежала тень, серые глаза прищурились, а губы сложились в нехорошую ухмылку.

– Ты ревнуешь, что ли? – поддела Коваль ехидно, и он оправдал ее надежды, вскочив с диванчика:

– Я?! Да ты о чем?!

– Ну, я так и подумала! – удовлетворенно сказала Марина, доставая из сумки зеркало и помаду. – Домой поехали, поздно уже.

Хохол натянул ей сапоги, помог подняться и стукнул в дверь, предупреждая охрану, что хозяйка выходит. Окруженная со всех сторон, Марина пошла к машине, не замечая взглядов, которыми ее провожали посетители ресторана, – кто смотрел восхищенно, кто с любопытством, а кто и с неприкрытой завистью и злобой, но Коваль всегда было наплевать на людское мнение.

Лицо Хохла было по-прежнему напряженным и озабоченным. Марине тоже передалось его состояние, она занервничала – ладно, если это просто какой-то пень решил свести с ней знакомство, а если нет? Что-то не нравилось ей в этой истории, а что – она не могла понять, но неприятное ощущение не оставляло.

В машине повисла напряженная тишина, даже водитель не решился включить магнитофон, хотя обычно делал это сразу. Но сегодня от хозяйки исходило раздражение, и Юрка не стал навлекать гнев на свою голову.

– Киска, не переживай, разберемся. – Хохол погладил ее руку, лежащую на колене, покрутил на пальце обручальное кольцо, которое Марина не снимала, хотя не могла толком объяснить, зачем продолжает носить его и делать себе больно. – Поцелуй меня, моя сладкая... – это он прошептал ей на ухо, слегка потянув зубами за серьгу с черным топазом – подарок отца.

– Подними перегородку, – велела Коваль, сама тоже не в силах больше сдерживать себя.

– Киска... – попросил вдруг Хохол, отрываясь от нее. – Не торопись, давай как люди...

– А мы с тобой как кто сейчас?

– Не хочу так...

– Ну, смотри, – прищурилась Коваль. – Жалеть не будешь потом?

– Буду. Но так тоже не хочу.

Марина отвернулась от него, понимая, почему вдруг так разозлилась – просто не привыкла она получать отказы от мужчин, всегда брала то, что хотела, сразу и там, где приспичило, а вот Хохол решил по-своему, и деваться некуда.

Во дворе коттеджа он молча вышел из джипа, открыл дверку, помог спуститься.

– Я свободен?

– Как хочешь. – Она едва не плакала от собственной глупости и упрямства, но показать, что не хочет, чтобы он шел к себе, тоже не могла, а как же – гордость и все такое!

Но Хохол, при всей своей ограниченности в каких-то других вопросах, дураком все же не был и Марину раскусил моментально, засмеялся и шепнул так, чтобы не слышали остальные охранники:

– Тогда через час в бассейн приходи.

Это было что-то новое в его репертуаре, прежде никогда он не звал ее в бассейн, не предлагал ничего такого. Интрига...

Ровно через час Коваль спустилась в бассейн и ахнула – там была включена подсветка и гейзер, верхний свет потушен, на воде покачивались желтые лепестки хризантем, а Хохол плавал по периметру.

– Имей в виду, завтра тебя Дашка грохнет, ведь ей придется все это убирать, – предупредила Марина, остановившись возле лесенки.

– Фигня, я ей помогу, – отмахнулся Женька, подплывая. – Не стой так, киска, иди ко мне.

Она сбросила халат, под которым ничего не было, потянулась всем телом и нырнула, взметнув вверх фонтан брызг. В воде всегда все проходило, и плохое настроение, и боли в ноге, поэтому Марина часто спускалась сюда, в подвал, и подолгу плавала, расслабляясь. Хохол догнал ее и поднял на руки, целуя.

– Погоди... – Он снова опустил Марину в воду и поплыл к бортику, на котором стояла бутылка шампанского. Взяв ее, вернулся, откупорил и поднял над Мариной головой так, что вся пена оказалась на черных волосах, а холодная жидкость потекла по лицу и груди.

Хохол поднес горлышко бутылки к губам, и Марина сделала пару глотков, хотя терпеть не могла шампанское, даже на Новый год не пила. Но ломать кайф Женьке не хотела, поэтому подчинялась его придурям молча. А он принялся облизывать ее, подняв и посадив себе на бедра, и Марине начало даже нравиться. Она откинула голову и закрыла глаза, чувствуя только его губы на своей груди.

– Киска моя, чего ты хочешь сейчас?

«Чтобы на твоём месте был Егор!» – едва не выпалила Коваль, вовремя прикусив свой длинный язык.

– Тебя... – именно этой фразы он ждал, всегда любил, когда Марина говорила ему это. – Тебя, дорогой... – и опустилась под воду, но Хохол быстренько вытащил ее и снова облил шампанским.

– Какая же ты обалденная, Коваль... ты стоила того, чтобы завалить за тебя кучу народу... – пробормотал он, не прекращая водить языком по шрамам на левой груди

– Женя, обними меня, пожалуйста, мне очень хочется, чтобы ты меня обнял.

– Я так люблю, ты и представить себе не можешь, – убирая с ее глаз упавшую мокрую челку, признался Хохол. – Я не знаю, что со мной будет, если вдруг я останусь без тебя.

– Куда собрался? – поинтересовалась Коваль, уже почти совсем успокоившись и овладев собой.

– Никуда. Просто подумал, что, если Малыш опять вернется, ты и думать забудешь обо мне, так всегда бывает – когда он рядом, тебе никто не нужен.

– Пойми простую вещь – на сей раз он вряд ли вернется, – обреченно призналась Коваль, замурив глаза, чтобы не заплакать. – Ты ведь ничего не знаешь о том, как мы расстались. А он сказал мне одну фразу, только одну, и мне не надо больше... Он сказал: давай расстанемся, детка. Он устал от меня, понимаешь? От моих проблем, от моих постоянных измен – вообще от всего, что со мной связано. Так что вряд ли он вернется...

– Да и хрен с ним, киска, – от такой, как ты, только дурак мог отказаться. – Хохол прижался губами к ее шее и замолчал.

Конечно, ему такой расклад был на руку – конкурент самоустранился без борьбы, так что Коваль теперь с ним, Хохлом, куда ж ей деваться! А она даже себе не хотела признаваться в том, что до сих пор надеется, что Егор вернется...

...Девятого мая начался футбольный сезон, Марина сидела в крытой ложе стадиона в окружении первых лиц города – никто из приглашенных не отказался прийти, а мэр даже преподнес букет цветов в честь праздника. Вся ложа снаружи была оцеплена Мариной охраной, даже телохранители мэра сидели в другом месте, и дело было вовсе не в том, что Коваль боялась кого-то, – просто нравились ей подобные вещи.

Игра оказалась захватывающей, мэр даже на месте подпрыгивал от возбуждения и захватившего его азарта:

– Ну, Марина Викторовна, вы молодец – команда очень приличная! Можете рассчитывать на мою поддержку, если что! – пообещал он в перерыве. – Давно пора было заняться развитием этого спорта в нашем городе, да все руки не доходили, а вы, смотрю, решились, хоть и женщина!

– Вы меня удивляете, Эдуард Николаевич, при чем здесь это? – Коваль закурила, закинув ногу на ногу, благо брюки позволяли немного расслабиться и не думать о том, как она выглядит в подобной позе. – Люди попросили помочь – я не отказала, что здесь необычного? А уж если и город подключится, то мы сможем замахнуться и на первую лигу.

– Ох, торопитесь, Марина Викторовна! Давайте сначала этот сезон проведем, а там определимся.

– Не вопрос, – согласилась она, и мэр вдруг поинтересовался:

– А как там ваши дела с прокуратурой? Скоро суд?

«Ага, быстрый ты какой! Суд! Еще неизвестно, как вообще все повернется, самой бы не сесть!»

– Пока не знаю.

– Не пойму – что же вы ко мне-то не обратились, ведь я бы мог помочь решить все без шума.

Ну, разумеется – только это его и интересует, как бы слишком много шума не случилось, да поздно уже, завертелось все. И не помог бы он ни за что, даже несмотря на то, что вся его охрана сплошь состоит из Марининых мальчиков. Это Марина знала твердо – во всем, что касалось ее, у мэра был двойной стандарт: если выгодно, он помогал, если же нет – делал вид, что ничего не знает.

– Так сложилось, что времени не было у меня к вам обращаться. – Коваль лениво оглядывала трибуны и вдруг заметила нечто, заставившее напрячься, – прямо напротив, лицом к ложе, стоял брюнет в песочного цвета костюме и темных очках, окруженный четырьмя здоровыми лбами типа Хохла. Поймав Маринин взгляд, он слегка улыбнулся, скорее даже оскандился, и чуть наклонил голову, приветствуя ее.

– Женя, – не отрывая взгляда от мужчины, негромко бросила Коваль, – ты это видишь?

Хохол вырос за спиной и положил руки ей на плечи, вглядываясь в лицо человека, продолжавшего смотреть на Марину.

– Маринка, мне это не нравится. Знаешь, кто это?

– Нет, откуда?

– Это Гриша Бес.

– Мне ни о чем это не говорит.

– Зря, кстати. Это вор в законе, очень влиятельный человек, и неспроста он сюда появился, думаю, дело у него какое-то. – Хохол убрал руки и поправил пистолет под мышкой. – И тебе цветы он тоже не просто так подогнал – не начались бы проблемы у нас, киска моя! Может, к Бурому съездим, пока не поздно, а?

– И что я ему скажу? Что у тебя очко заиграло? – мрачно поинтересовалась Коваль, не обрадованная перспективой пообщаться с Бурым, имеющим на нее зуб за корпорацию Егора.

– Перестань, я ж не за себя, – обиделся Хохол. – Просто ты не понимаешь, видно, что последует за этим букетом, и отказать – значит лишиться головы, как пить дать! Киска, давай к Бурому съездим – вдруг он в теме, зачем Бес сюда явился?

– Успокойся, а? Еще ничего не произошло...

– А ты из тех, кто, даже лежа под мужиком, искренне верит в то, что ничего не произойдет, да? – зашипел Женька, хватая ее за плечи.

– Руки убери! – негромко приказала Коваль, и он опомнился, отойдя на шаг назад. – Ты не многовато себе позволяешь? Куда и к кому мне поехать, я решу сама, без твоей подсказки!

– Прости... – По его роже Марина видела, что он разозлился не на шутку, еле сдерживается, чтобы не заорать, но понимает, что нельзя, кругом люди.

В перерыве все городское начальство решило пообщаться в более раскрепощенной обстановке, а потому направилось в буфет. Марина осталась одна, закинула ноги на подоконник и потянулась, разминая спину и глядя вниз, на трибуны.

Тем временем Бес приветственно помахал рукой и жестом показал, что хотел бы войти в ложу. Проигнорировать его Коваль не могла при всем желании, поэтому велела Хохлу обыскать его незаметно и впустить, но одного, без охраны. Женька недовольно глянул, но подчинился, вышел из ложи и приблизился к Бесу и его быкам, что-то сказал, и по лицу вора пробежала тень недовольства. Он вальяжно вскинул руки, давая Хохлу возможность посмотреть, что у него под пиджаком, потом что-то бросил своим и вошел вслед за Женькой к Марине.

– Неприветливо гостей встречаете, дамочка! – начал он с порога. Марина уловила резкий запах туалетной воды, исходящий от гостя.

– Не припомню, чтобы мы были знакомы или чтобы я вас приглашала, – откликнулась она, внимательно глядя на стоящего перед ней человека.

– А сейчас и познакомимся, чего тянуть. Григорий Андреевич Орлов, – представился он, ногой пододвигая к себе кресло и усаживаясь.

– Просто как фаворит Екатерины Второй! – улыбнулась Коваль в ответ. – Не мешает по жизни такое сложное имя?

– Наоборот – помогает с женщинами общаться! Спасибо великому тезке, создал репутацию! – Он откинулся на спинку кресла и захохотал, демонстрируя желтоватые прокуренные зубы. – Вот вы о чем сейчас думаете? – неожиданно оборвав смех, спросил он, уставившись Марине в лицо.

– Разочарую – не о том, о чем бы вам, видимо, хотелось!

– А вы серьезная! – оценил Орлов. – Я закурю, можно?

– Курите.

Достав из кармана пачку «Мальборо», он закурил, глубоко затягиваясь и выпуская дым колечками. Коваль насмешливо смотрела на него и ждала, что же последует за этими дешевыми понтами. Орлов же оценивающе бродил по ней глазами, словно что-то прикидывая, потом ткнул сигарету в пепельницу, стоявшую на столике возле Марины, и продолжил:

– Думаю, Марина Викторовна, вас очень интересует вопрос: а что, собственно, нужно здесь этому залетному, ведь так?

– Меня больше интересует, откуда вы знаете мое имя.

– А у нас есть общий знакомый, некто Макар, припоминаете? Москва, ночной клуб, около двух месяцев назад.

Ну, тогда все ясно – значит, это с ним сутенер проворачивал в Москве какие-то дела и теперь притащил сюда, явно надеясь на то, что новый «деловой партнер» прижмет-таки зарвавшуюся, по его, Макара, мнению, Наковальню.

– Подобное знакомство не делает вам чести, Григорий Андреевич, – ядовито улыбнулась Марина, доставая из своей пачки сигарету. – Я бы особенно его не афишировала. Но вам виднее.

Он снова захохотал, потом подмигнул ей и сказал, понизив голос почти до шепота:

– Только между нами – я терпеть не могу сутенеров, пусть и бывших! С Макаром у меня только бизнес, больше ничего. И потом, ведь это именно он рассказал мне о том, что в его городе за одним столом с ворами сидит женщина, да не просто сидит – правая рука «смотрящего», молодая, красивая, умная. Меня любопытство замучило – никогда прежде не видел и не слышал такого. Пришлось напроситься в гости, и теперь вижу, что не зря, Макар ни слова не слажал, все так, как он и расписал.

– Это комплимент? – Коваль курила, прищулив глаза, и внимательно изучала лицо собеседника – карие глаза, шрам над верхней губой, чуть горбатый нос, черные, вразлет, густые брови, темные волосы с проседью.

– Уверен, что вы слышите в свой адрес еще более интересные вещи, Марина Викторовна. Поскольку, к сожалению, перерыв закончился, позвольте мне пригласить вас в ресторан? Мне очень понравилось у вас в «Стеклянном шаре», но я совершенно не разбираюсь в этой кухне, – вдруг пожаловался Орлов, вставая из кресла. – Был бы рад посидеть там с вами.

Что-то подсказало Марине, что она не может себе позволить отказаться, что-то в глазах его было такое... опасное, предостерегающее, что и натолкнуло ее на подобную мысль.

– Хорошо, но только мне нужно переодеться, я обычно не хожу в свой ресторан в кожаных брюках. Давайте встретимся там, скажем, часов в десять, я как раз успею съездить домой.

– Рад, что вас не пришлось уламывать и соблазнять, как других, – искренне признался он, и Коваль засмеялась:

– А в этой жизни уже давно нет ничего такого, чем меня можно было бы соблазнить!

– О, ну, вот об этом мы и поговорим за ужином, да?

И Орлов покинул ложу, кивнув своим быкам, мгновенно окружившим его с четырех сторон. Маринин же драгоценный телохранитель имел вид мрачный и недовольный, покусывал губы и то и дело посматривал в ту сторону, куда удалился со своими охранниками незванный гость, что говорило только об одном – Женька ревнует.

– Что такое, дорогой? – небрежно поинтересовалась она, беря его за руку.

– Он тебе стрелку забил?

– Я бы сказала несколько иначе – он пригласил меня на ужин.

– Разве это не одно и то же? – мрачно поинтересовался Женька, и Марина с улыбкой покачала головой:

– Нет.

– Я могу быть свободен?

– Ты опять?!

– Да я не про то, – поморщился Хохол. – Мне с тобой ехать или не надо?

– Сдурел?! Как я без тебя куда-то поеду? – возмутилась Марина, сплетая свои пальцы с его. Настроения ссориться и выяснять отношения у нее совершенно не было, а вот Хохол, по всей видимости, думал несколько иначе, и Марина решила пресечь все его возможные нападки сразу. – Ну, не сиди ты с такой мордой, а?

– Да тебя не просчитаешь в последнее время. В «Шар» поедешь?

– Да. Ты позвони Кирилычу, пусть подготовит татами-рум.

– Охрану всю возьмем?

– Конечно – мне только проблем и не хватает, мало ли что там может произойти.

Женька одобрительно кивнул. Все-таки крупницы здравого смысла иной раз мелькали в речи его такой непредсказуемой и бесшабашной любовницы, чью жизнь он должен был охранять. Но она так умела осложнить ему задачу, что Женьке приходилось постоянно быть начеку – мало того, что Марина регулярно подвергала себя риску, так еще и в ее женской верности Хохол очень сильно сомневался.

– Знаешь, чего я боюсь? – садясь рядом, спросил он, и Коваль тут же откликнулась:

– Знаю. Не переживай – ничего не будет, ночью я вся твоя.

Вместо слов и благодарностей он поцеловал ее руку. Марина твердо знала, что не разочарует его и сдержит свое слово: Бес был абсолютно не в ее вкусе, никогда ей не выпить столько, чтобы посмотреть в его сторону с интересом.

Матч закончился победой, Коваль пошла в раздевалку и там поздравила свою команду с удачным дебютом, пообещав премиальные всем особо отличившимся игрокам. Марадона недовольно поморщился, но Марина тихо сказала ему, чтобы не слышали футболисты:

– Нишкни, Вася! Я сказала – премиальные! – и он счел за благо закрыть рот.

Садясь в машину, Хохол велел водителю ехать как можно быстрее, чтобы Марина успела дома сменить брюки на платье и поправить прическу и макияж. Всю дорогу он напряженно о чем-то думал, много курил, раздражая Коваль сигаретным дымом.

– Прекрати!

– А? – встрепенулся он. – Что прекратить?

– Психовать и курить столько!

– Мне не нравится все это. Не зря он прикатил сюда из своей Москвы, уж поверь мне! Затекает, падла, что-то, вот век воли не видать! Будь осторожна, киска, я тебя прошу!

Можно подумать, он не знал, что в лексиконе Коваль нет такого слова! Если бы она всегда осторожничала, то с легкостью избежала бы многих неприятностей, случившихся с ней, но вот не удалось как-то.

Вечер состоялся – Бес оказался человеком интересным и, к Маринину глубоочайшему удивлению, начитанным. Он так и сыпал афоризмами великих, цитировал классиков, а, главное, отлично разбирался в японском искусстве. Да и насчет кухни тоже преувеличил, прекрасно владел хаши и со знанием дела продиктовал официантке заказ.

– А вы обманщик! – подловила Коваль, и он рассмеялся:

– Хотел надавить на жалость!

– О, вот это дело гиблое – я такого слова не знаю, как и многих других, впрочем, тоже.

– Это я тоже слышал. И видел зубы Макара, – улыбаясь, ответил Бес. – Вы страшная женщина!

– Да бросьте! Я почти инвалид, какой тут страх!

– Хотел, кстати, спросить про знаменитую трость – что-то не заметил.

«Тварь болтливая, чертов Макар! Все выложил, вплоть до размера груди, видимо!»

– Почти не пользуюсь сейчас, подлечилась немного. Но – вот она, – Коваль протянула руку и сняла со спинки своего кресла трость.

Бес взял, покрутил, выкинул пику, потом убрал и, возвращая трость, сказал:

– Яша Кишман делал. Штучный товар, индивидуальный подход. Так?

– Понятия не имею, – пожала плечами Марина.

– А я точно это знаю. Яша Кишман – большой мастер, у него лучшие финки в стране. А живет он в вашем городе – после последней отсидки здесь обосновался, наладил промысел. И трость у него ваш охранник заказывал. Как и финки свои. А можно перейти на «ты»? – неожиданно спросил Бес, наклоняясь через стол. – Я устал строить из себя джентльмена.

– Не вопрос, – согласилась Марина. – Но предупреждаю – никаких вариантов.

– И в мыслях не было! – заверил он. – Просто ты такая молодая еще, что нет нужды старить тебя обращением по отчеству. Что, выпьем за это?

– Давай.

Он выпил sake, не отрывая взгляда от ее лица, Коваль тоже глаз не опустила, так и играли в гляделки, пока Бес первым не моргнул и не засмеялся:

– Ты как кобра – просто гипнотизируешь! Слушай, а что у тебя с ментами вышло? Макар толком не знал, а мне интересно.

– Тебе не кажется, что ты несколько торопишься узнать подробности моей жизни?

– А я так привык, всегда тороплю события, иначе их поторопит кто-то другой, и я останусь в полете, а это мне совершенно не по нутру.

– Любишь во всем первенство? – усмехнулась Марина, осторожно подхватывая палочками кусочек сашими.

– А то! Надеюсь, ты не думаешь, что я простой коммерс?

– Уж конечно! Что я, первый день на свете живу или никогда с коммерсами дел не имела?

– Тогда ты знаешь, кто я. – Он взял ее за руку и пристально посмотрел в глаза, да что там – в глаза, прямо в душу он ей заглянул своими карими гляделками, Марина даже поежилась слегка от неприятного ощущения холода, пробежавшего по спине. – Хочешь, я скажу тебе, зачем приехал?

«Ну, уж точно не поужинать со мной в ресторане!» – про себя отметила Коваль, но любопытство и любовь к немедленному удовлетворению одного победили, и она кивнула.

– Я стану «смотрящим» здесь. Так решили на последней сходке.

– А Бурый как же? – даже если она и удивилась, то хорошо держала себя в руках, спокойно задала вопрос, и в лице ничего не изменилось.

– А что – Бурый? – отпустив наконец ее руку, произнес Бес. – У него два выхода – лечь под меня или сдохнуть. Как у всех. Как, собственно, и у тебя, Наковальня.

– Мне все равно – я не при делах почти, ваши воровские законы меня мало волнуют.

– Да не говори ты ерунды! Перед тобой не лох недоделанный, если что, и я не люблю, когда меня таковым считают. Сроку тебе на обдумывание – неделя, потом встретимся, и я советую тебе очень сильно и крепко прикинуть свои шансы. согласишься – не трону, откажешься – сдохнешь.

Бес выдал эту фразу тихим, ласковым голосом, словно говорил ей нежности, но от этого смысл его слов был еще ужаснее, Марина мгновенно оценила ситуацию и поняла, что как-то не хочется умирать в таком молодом возрасте...

– Ты испортил прекрасный вечер, – сказала она, стараясь не смотреть в глаза Беса, и вообще на него не смотреть.

Бес, по всей видимости, остался доволен произведенным эффектом, откинулся на спинку кресла и улыбнулся широкой улыбкой:

– Дорогая, если все пойдет так, как я задумал, таких вечеров у нас будет великое множество, и за этот ты меня простишь. – О, а вот это уж совсем лишнее – не собиралась она больше сталкиваться с ним в столь интимной обстановке!

– А ты в курсе, что я вдова? – держа в пальцах чашечку с зеленым чаем, поинтересовалась Марина.

– И что? – не смутился собеседник.

– Нет, так, к сведению.

– Знаю я все про твоё вдовство и мужа твоего покойного неплохо знал – Малыш правильный был мужик, хоть и мажорный немного. – Это было неожиданно. Коваль, конечно, знала, что Егор знаком со многими авторитетами, но вот про этого он никогда не рассказывал. – Он странно погиб, тебе не показалось?

– Господи, и ты туда же? – вздохнула Марина, отставляя чашку и беря сигарету. – Меня только ленивый не обвинил в его гибели, а я его любила, между прочим, и смысла не было мне его убивать.

– А я не про то, – Бес поднес зажигалку. – Я это к тому, что он не мог ошибиться в выборе женщины для себя. И либо ты оказалась умнее его, либо... А странность в том, что он тебе все оставил буквально в тот день, когда погиб.

– Обалдеть! А про это кто тебе доложил? – не поверила она своим ушам.

– Ну, как ты сама-то думаешь? – оскалился Бес. – Ты ведь умная девочка, не зря ведь Малыш на тебе женился и берег пуле глаза!

«Что-то слишком часто ты упоминаешь, и очень мне это не нравится, я вообще терпеть не могу, когда копаются в моей личной жизни!»

Марина промолчала, не желая продолжать разговор, ставший тягостным и мучительным. Бес тоже понял, что заглянул туда, куда ему не следовало, и сменил тему:

– Так ты подумала о моем предложении?

– Ты меня удивляешь. Если вдруг читал, то должен помнить, что написано в «Хага-курэ» – пути самурая: «Они согласились слишком быстро. Я думаю, что они слишком слабы и ненадежны для того, чтобы быть советниками господина». – Она прищурилась и внимательно посмотрела в глаза Бесу.

Он потрясенно молчал несколько минут, ожидая чего угодно, только не цитаты из самурайского кодекса.

– Ты меня сейчас просто на лопатки положила, вот уж не думал, что женщина способна прочувствовать и понять кодекс бусидо! Я увлекся им на зоне, времени полно было, а со мной сидел парень, сдвинутый на этом. Молодой совсем был, пацан против меня, но знал что-то, чего не мог понять я, вот меня и задело – должен разобраться, должен понять. Приблизил его к

себе, стал понемногу расспрашивать, потом втянулся. Парнишка толковый оказался, стал моим братом, едва не погиб за меня – организовал один деятель покушение, да Череп вычислил.

У Коваль перехватило дыхание при упоминании этого имени, она вцепилась пальцами в стол и срывающимся голосом спросила:

– Как... как его звали?

– Ты чего это? – удивился Бес, оглядывая ее. – Аж побледнела. Ну, Олег его звали, Олег Черепанов, а что?

– Олег... не может быть... так не бывает... – У нее закружилась голова, и внутри все похолодело. Ведь не бывает таких совпадений, просто не бывает, чтобы сошлось все – и имя, и кличка, и страсть к Японии... Это мог быть только ее Олег, ее Череп...

– Господи, да что с тобой?! – не на шутку испугался гость, вскакивая из-за стола и хватая Марину за плечи.

– Я... он не погиб за тебя, зато за меня – погиб... – еле выговорила она, пытаясь справиться со своими эмоциями.

– О чем ты, женщина?! – рявкнул Бес, встряхнув ее. – Как – погиб?!

– А ты не знал? Это произошло семь лет назад, когда я только начинала... Он был моим охранником, больше, чем охранником – он был моим любовником. И за это его убили.

– Расскажи, кто, – прохрипел Бес, сжав кулаки, но Коваль накрыла его руку своей.

Она долго смотрела в прищуренные карие глаза, и Бес понемногу стал отходить от шока, который вызвало у него известие. Марина видела, что сидящий перед ней человек не рисуется и не пытается «прогнать картину» – он в самом деле убит новостью. И судя по тому, что рассказывал об этом Грише Женька, первое, что пришло в его седеющую голову, было желание отомстить. К счастью, уже некому...

– Успокойся, Гриша. Тот, кто убил его, уже давно сам мертв. Не было для меня в тот момент человека дороже, чем Олег, я просто не могла не отомстить.

Бес обнял Марину за плечи, тяжело дыша и пытаясь справиться с собой, видимо, ему, как и ей, Череп был больше, чем другом.

– Прости меня, девочка, я ведь не знал... забудь все, что я сказал, – ради Олега забудь, я не причиню тебе зла, ты была с моим братом, ты теперь как сестра мне.

Несмотря на трагизм момента, про себя циничная Коваль успела отметить, что его-то лучше в самом деле иметь братом, чем врагом или, не дай бог, любовником, а теперь она в полном порядке в обоих смыслах.

– Спасибо тебе, – искренне сказала Марина, в душе возблагодарив покойного Черепу, пристрастившего ее к японской культуре и кухне, ведь именно цитата из «Хагакурэ» вывела их на этот разговор. Эта книга, оставшаяся после гибели Олега у Коваль, как и его немногочисленные любимые мелочи, была прочитана от корки до корки. Странное дело – в запутанных и сложных фразах самурайского кодекса Марина нашла много полезного для себя, много такого, чему следовала в жизни.

Словом, вечер удался, Бес пообещал не предъявлять Марине претензий и вообще не лезть на ее территорию, что Коваль вполне удовлетворяло. Они расстались как самые натуральные родственники, расцеловавшись возле машин на глазах изумленной охраны, и Мариной, и Бесовой.

– Уф! – выдохнула Коваль, захлопнув дверку «Хаммера» и вытягивая ноющие ноги. – Домой, мальчики, спать хочу – сил нет!

– Я не понял, это что сейчас было? – не смог удержаться от вопроса Хохол.

– А вот прикинь, что теперь у меня вообще проблем нет в этом городе!

– Ты пьяная, что ли?

– Я трезва, как никогда! Знаешь, зачем Бес сюда явился? Он Бурого убрать хочет, а всех наших под себя прогнать. И вот я теперь вне разборок.

– Как это – ты вне разборок? Ты ж правая рука Бурого! – не понял Хохол, взирая на нее с изумлением.

– Объясняю. Вовремя сказанное слово способно сделать очень много, – Коваль закурила, внимательно разглядывая кончик сигареты. – Оказывается, Бес хорошо знал Черепа, был ему жизнью обязан. Улавливаешь?

– Ни фиги себе расклад! Какая судьба странная, да, киска?

– Точно – переспишь с кем-нибудь, а потом это очень жизнь тебе облегчит! – вдруг зло бросила она. – Юрка, на кладбище!

– Марина Викторовна, ночь ведь уже, – взмолился водитель, продолжая ехать в сторону «Парадиза».

– Ты глухой?! Я сказала – на кладбище! – заорала Коваль, и Юрка резко развернул джип, возвращаясь на трассу и направляясь к городскому кладбищу.

Перепуганный Иваныч спросонья не понял, кто перед ним, и заголосил:

– Ктой-то по ночи тута рыскает? А вот ментов счас вызову...

– Рот закрой, слепошарый сыч! – рявкнул Хохол, хватая сторожа за ворот фуфайки и поднимая над землей. – Не видишь, кто?!

– Женечка, сынок,пусти, бес попутал! – забормотал старик, суча ногами, и Хохол выпустил воротник, возвращая Иваныча на прежнее место. – Почтение мое, Викторовна! Чего на ночь глядя-то? Или дня не хватает?

– Не твоего ума дело! – процедила Марина, направляясь мимо него к могиле Федора Волошина – она всегда приезжала именно сюда, потому что у Черепа могилы не было...

Поглаживая шершавую плиту памятника, она мысленно благодарила Олега за все, что он сделал для нее. Даже мертвый, он продолжал защищать и оберегать свою любимую.

Внезапно Марине захотелось подойти и к могиле, где, как считалось, покоился ее ныне здравствующий супруг. Непонятно, почему вдруг ее посетила такая идея, но Коваль направилась к черной плите, возвышавшейся над всеми остальными. Хохол недоуменно следовал за хозяйкой, тоже не вполне понимая причину столь странного поведения. Она постояла возле пустой могилы, грустно улыбаясь своим мыслям, улетевшим в далекую Англию, где спокойно спал сейчас в своей черной спальне Егор.

«Интересно, успел он найти замену или нет? Даже думать уже не больно, надо же! Оказывается, ко всему можно привыкнуть, в том числе и к мысли о том, что у мужа кто-то есть...»

– Поехали домой, Хохол, – вздохнула Коваль, плотнее закутываясь в наброшенную поверх вечернего платья шаль.

– Зачем ты пришла сюда? Ведь прекрасно знаешь, что здесь нет никого, – наклоняясь к уху, спросил он.

– Не знаю, Женька... просто... мне так паршиво сегодня...

– И ты решила сделать еще хуже?

– Наверное...

В машине Марина уснула, даже не слышала, как приехали домой, как Женька занес ее в спальню, как раздел и уложил в постель, как лег к ней, обнял... И только ночью, проснувшись, увидела, что лежит в постели не одна, что Хохол изменил себе и находится рядом. Марина поцеловала его, чувствуя, как он, сонный, отвечает, захватывая ее губы своими.

– Что с тобой, моя киска?

– Не знаю... прости, я разбудила тебя...

– Иди сюда, моя родная, ты перенервничала сегодня, переволновалась, давай я поглажу тебя, а ты расслабься пока и усни... – Его руки заскользили по телу, поглаживая. – Спи, моя киска, спи, родная...

Ей действительно стало спокойно и уютно, Женькины руки дарили такое приятное ощущение, что хотелось мурлыкать, как кошка.

– Что бы я делала без тебя, дорогой мой? – не открывая глаз, Марина перевернулась и подставила ему грудь, которую он немедленно принялся целовать и поглаживать.

– Жила бы со своим мажором, – отозвался он, спускаясь губами по животу и возвращаясь обратно к груди.

– Не надо об этом, ладно? – попросила она, извиваясь от его прикосновений.

– Да, родная, как скажешь, – пробормотал Хохол. – Я больше не скажу о нем ни слова...

«Ну еще бы – сейчас ты слишком занят, чтобы разговаривать о чем бы то ни было...»

А ей всю ночь не давала покоя засевшая в голове мысль о том, что Малыш может вот так, как она, спать с кем-то, ласкать какую-нибудь английскую крокодилицу совсем так, как Марину раньше, шептать ей, как Марине: «Да, детка, давай, вот так, моя девочка...»

«Господи, как же это невыносимо! Почему я не могу просто не думать об этом, взять и выкинуть его из головы? Разве сейчас мне плохо, разве с Хохлом у меня не все в порядке? Но нет – чертов Малыш не дает мне покоя, постоянно напоминая о своем существовании в самый ненужный момент. Неужели это не кончится никогда? – бормотала она, сев на кровати, закурила сигарету и устала на телефон, борясь с желанием позвонить и хотя бы голос услышать, просто „алло“, дыхание в трубку – хоть что-то. – Нет, не буду, я ведь сильная, я – Коваль, я не опущусь до подростковых приколов!» – уговаривала она себя.

Марина посмотрела на Хохла и почувствовала угрызения совести – опять он третий, опять переживает, понимая, что никогда не сможет стать для нее тем, чем был Егор.

– Прости меня, мой хороший, я не могу справиться с собой, это сильнее меня, – она покрывала поцелуями его лицо, чувствуя, как к горлу подступает ком. – Я ненавижу себя за это, но ничего не могу поделать... прости...

– Киска, я все понимаю, – оказывается, он не спал, просто лежал с закрытыми глазами. – Давай спать, уже почти утро, опять будешь от головной боли мучиться. Иди ко мне, моя девочка, я тебя обниму...

...Уснуть Марине так и не удалось...

– Киска, тебе хрен какой-то звонит, – Хохол заглянул в сауну, протягивая Марине трубку, и та неохотно взяла ее.

– Да, слушаю.

– Коваль, ты дома? – голос принадлежал Бурому, но был каким-то растерянным и глуховатым, немудрено, что Хохол его не узнал.

– Дома. Что ты хочешь?

– Я сейчас приеду, проблемы у меня.

Это было ново... С чего бы это Бурому понадобилась ее помощь? Или все так плохо, что пришлось шляпу снять и к Наковальне на поклон?

Странные дела творились нынче в городе – на прошлой неделе кто-то поджег сауну, где парились в это время приближенные Ворона, трое сгорели заживо, двоим удалось выбраться, но ожоги они получили не шуточные. Потом, буквально дня через три, Дракон, один из быков Бурого, на своем «крузаке» выехал на встречную полосу в самом центре города и лоб в лоб столкнулся с грузовиком. Разбился насмерть. И это было странно вдвойне, потому что он оказался в хлам пьяным, хотя в жизни ни капли в рот не брал, страдая тяжелым заболеванием печени. И вот сегодня этот непонятный звонок Бурого... Что-то подсказывало, что ко всем этим происшествиям имеет прямое и непосредственное отношение Гриша Бес, но, как говорится, не пойман – не вор. Со вздохом Марина выключила сауну и позвонила Розану, велел скоренько ехать к ней.

Пока заместитель и Бурый добирались до «Парадиза», Коваль успела немного взбодрить себя чашечкой кофе с коньяком и парой сигарет, переодеться в джинсы и водолазку и собрать волосы в два хвоста, на что Хохол фыркнул:

– Совсем как пацанка! Немудрено, что Бурый тебя всерьез не воспринимает.

– Женя, теперь воспримет – не зря ведь ко мне едет, что-то ему надо, раз через себя перешагнул.

– Ты думаешь, что это Бес замутил? – негромко спросил Хохол, глядя в окно.

– Я почти уверена в этом, но давай придержим свои догадки при себе пока, хорошо? Я не хочу, чтобы кто-то знал, что у меня с ним теперь особые отношения, – она выразительно посмотрела на телохранителя. – Ты понял?

– Понял, не переживай. Только... если потом выплывет, что ты все заранее знала и никому не сказала... киска, сожрут.

– Подавятся! – отрезала Марина. – Ты ведь понимаешь, что выбор невелик – либо все кивнут гривами и смирятся с тем, что Бес встанет над нами, либо он просто передавит нас поодиночке. Я лично хочу еще немного пожить, а как остальные – это уже их проблемы. В конце концов могу и отойти в сторону, если совсем припрет, не обломаюсь – денег хватит на три жизни, а власть эта и понты все – да гори они синим огнем! – Она налила еще кофе и снова закурила, и Хохол поморщился:

– Ты только что сигарету затушила!

– Не лечи – я нервничаю!

Он покачал головой и сунул пачку себе в карман, давая понять, что это была последняя сигарета на ближайшее время.

– Достал ты меня, если честно, – призналась Марина. – Что ж мне так с охраной не везет! Походят со мной немного и сразу начинают воспитывать: не пей, не кури, туда не ходи, сюда не лезь! Пионерский лагерь какой-то!

Хохол засмеялся и обнял ее.

Вошла Даша, ничуть не удивившись подобной сцене – для нее уже не были секретом эти отношения, да и сама Коваль не особо старалась скрыть их, понимая, что Малыш вряд ли вернется в ее дом.

– Марина Викторовна, там Сергей Тимофеевич приехал.

– Сейчас иду, спасибо, Даша. Ну что, дорогой, пойдем, поздороваемся с Розаном? – Марина привстала на цыпочки и поцеловала Хохла в губы. – Не хмурься, тебе не идет!

Он подхватил ее на руки и легко подбросил вверх:

– Киска моя, ты самая лучшая, ты это знаешь? Я люблю тебя.

Марина не знала, ждал ли он от нее таких же слов или нет, но, как всегда, промолчала, не желая обманывать ни его, ни себя – только одному человеку в этом мире она их говорила по сто раз на день, только к одному-единственному испытывала такие чувства...

Идиллию прервал Розан, поднявшийся в кабинет и с порога заблаживший:

– Нет, ну ты глянть! Я все дела бросил, гнал сюда, как идиот, а они за любовь разговаривают, голуби хреновы! Вам что, свидетели нужны?

– За базаром следи! – рыкнул Хохол, осторожно опуская Марину на пол. – С кем разговариваешь?

– Ой, зарамсил сразу! – ехидно улыбнулся Серега, но от греха отошел на безопасное расстояние. – Пошутить нельзя! Марина, чего звала-то?

– Сейчас Бурый приедет, не хочу один на один с ним общаться. – Коваль поправила волосы и пошла вниз, жестом велев всем присоединяться. – Там стряслось что-то у него.

– Да ты глянть, что в городе-то делается, я извелся весь, думаю, как бы с тобой-то чего не произошло. – Розан спускался вслед за ней.

Бурый задерживался, а может, нарочно тянул время, чтобы заставить понервничать Марину и ее окружение. Розан, чувствуя, что она вот-вот взорвется, принялся травить какие-то байки, но Коваль даже не слышала, что именно он говорит. Ее мучило другое... Если ее догадка насчет причины визита Бурого верна, то возникал следующий вопрос: а что же именно

он потребует, о чем собирается разговаривать? Не попытается ли воспользоваться Мариной, чтобы разрулить ситуацию?

Хохол, покусывая ногти, наблюдал за ней из противоположного угла просторной гостиной. Маринина нервозность передалась и ему, но Женька старался удержаться и не подлить масла в огонь. Ему тоже было непонятно, чего именно может хотеть Бурый. Ведь, по большому счету, именно его людей прореживали сейчас, и надо бы ему сосредоточиться как раз на этой проблеме. И вообще – не проще ли собрать всех бригадиров и решить вопрос сообща? Строгач, покойник, поступил бы именно так...

Несколько раз неслышно входила Даша, меняла пепельницу и кофейные чашки, украдкой бросала взгляд на озабоченного Серегу и снова удалялась к себе в кухню.

Не меньше часа прошло в тягостном ожидании, когда наконец ввалился Бурый вместе со своим телохранителем Друяном. Парень замер у двери, а «смотрящий», покачиваясь, двинулся напрямик к столу.

– Здорово, честна компания! – Бурый плюхнулся в кресло, тяжело дыша. Выглядел он ужасно, такое чувство, что всю ночь пил. Собственно, запах перегара, вмиг заполнивший комнату, подтвердил Маринину догадку.

– Что случилось? – поинтересовалась Коваль, нетерпеливо махнув Друяну, чтобы сел и не отсвечивал.

– Влипли мы по-крупному, красючка моя дорогая! Слушай, водка есть у тебя? Душа горит! – признался Бурый, и Марина заметила, как трясутся его руки.

– Даша! – крикнула она. – Принеси нам выпить что-нибудь! Сейчас все будет, – пообещала Бурому, понимая, что у него дикое похмелье и выпить просто необходимо. – Так все-таки?

– Прикинь, какая тема... нас обложили по полной, а меня вообще убрать хотят. Слух прошел, что приехал Гриша Бес, метит, сучара, на мое место. Дракона как подставили, слыхла?

– Да. – Марина незаметно переглянулась с Розаном – тот покачал лысой головой, не понимая, к чему клонит «смотрящий».

Дашка принесла поднос с бутылками, какую-то закуску, и Бурый сразу выпил, еле удерживая в трясущейся руке налитый до краев стакан, а потом продолжил:

– У Гриши есть такой спец, что может любую смерть инсценировать, никто не докопается. Вот и Дракошку моего уработали – мол, напился – и за руль, а он ведь совершенно не пил, в рот не брал ни капли! – Бурый вцепился в волосы и застонал: – Что делать-то, а? Ведь ты следующая, если что, Наковальня? Не боишься?

Розан удивленно вскинул брови – можно подумать, что на руках у Бурого был точный список, когда и в каком порядке собирается прореживать местные бригады Гриша Бес! Марина тоже отметила это про себя.

– Я не держусь за власть, ты ведь знаешь – я и тебе легко уступила, и не хотела я рулить всем, мне своего достаточно. Если хочешь совет... – Она внимательно посмотрела на сидящего перед ней в полной растерянности Бурого, и тот кивнул. – Отступишь, тогда выживешь.

– Спятила, телка?! – вскочил на ноги Бурый, и Хохол мгновенно оказался между ним и Мариной. – Пошел ты, псина! – взорвался «смотрящий». – Место собаки на цепи, а не в хозяйской спальне! – Бурый пьяно качнулся, и подскочивший Друян поддержал его, но тот вырвался. – Не тронь меня, паскуда! Учить она меня будет, соплячка беспонтовая! Я семь пасок отсидел, когда ты еще в пеленках лежала, сучка! Если бы не Мастиф, где бы ты была, лярва подзаборная?!

– Так, все! – отрезала Коваль, вставая. – Твой визит начал меня напрягать. Друян, увози своего хозяина.

– Я еще не все тебе сказал, шлюха! – вырывался из железных объятий Друяна Бурый, но рослый, совсем еще молодой парень держал крепко.

Ругательства Бурого были слышны до тех пор, пока Друян не затолкал его с помощью других охранников в «Мерседес». Марина наблюдала за этим из окна и думала о том, каким слабым становится любой человек перед лицом опасности. Даже такой, как Бурый, чье слово было законом для всех.

– Зря ты сейчас загрубила с Бурым, – мрачно изрек заместитель, подойдя сзади. – Он и так тебя не любит, а уж теперь-то, когда ты помочь отказалась...

– Заметь, он не просил помочь, – откликнулась Коваль, признавая, в принципе, что Серега во многом прав, особенно в том, что она далеко не любимица у «смотрящего». – Я не отказалась, я просто дала совет, которым он волен воспользоваться или нет, уж как захочет. А до его заморочек мне нет никакого дела, и к Бесу с этим лезть я тоже не хочу. Не секрет ведь, что мне он ничего предъявлять не станет, мы ж с ним теперь чуть-чуть родственники! – Марина криво усмехнулась, вытаскивая из розановской пачки сигарету.

– И это, кстати, очень хорошо, ведь так? – поднося зажигалку, заметил Серега.

– Да, хорошо, – она вздохнула и повертела сигарету перед глазами, разглядывая тлеющий кончик. – Только неизвестно, чего он потребует от меня взамен.

При этих словах напрягся Хохол, враждебно глянув на нее. Опять его спокойствию угрожал очередной желающий прибрать красавицу Коваль к рукам. Это превратилось в манию: в каждом мужчине, приблизившемся к Марине на короткое расстояние, он видел потенциального соперника, угрожающего его спокойствию. Он ревниво следил за тем, как Марина общается с представителями противоположного пола, как смотрит, что говорит и каким тоном. Коваль раздражала эта неуверенность любовника, его мрачный вид, его постоянное желание не отпускать ее от себя. Она злилась, потому что не собиралась заводить каких-то связей с кем бы то ни было – ее вполне устраивала собственная жизнь и отношения с Хохлом. Сейчас она только покачала головой, давая понять, что недовольна происходящим.

– С вами хорошо, – поднялся из кресла Розан. – А у меня дел полно, футболисты твои накладные на форму привезли, надо все просчитать с бухгалтером, а то не дай бог...

Он чмокнул Марину в щеку и поехал в офис, а Коваль с Хохлом остались одни. Он приблизился к ней, сел на подлокотник кресла и обнял за плечи:

– Ну что, опять встряла? Теперь Бурый тебя сгноит.

– Пусть рискнет, – совершенно спокойно отозвалась Коваль, проведя пальцем по Женькиному колену.

– А он рискнет, не сомневайся – ты ему давно поперек горла, так что...

– Давай не будем заранее пугаться, хорошо? – Марина прижалась щекой к его руке и закрыла глаза. Если честно, ей было не по себе – иметь Бурого врагом не великое счастье. Но и стелиться перед ним она тоже не собиралась. – Поехали в казино! – предложила вдруг Коваль обалдевшему от такого заявления Хохлу, вставая из кресла.

– Ты что придумала? Какое казино?

– Ну, в «Золотой орел», например.

– Что за придурь?

– Захотелось! – отрезала она, устав от допроса. – Ты со мной?

– Куда ж ты без меня-то? – вздохнул Хохол, направляясь к выходу. – Пойду пацанов предупреджу, чтобы собирались.

– Давай-давай.

Даже себе Марина вряд ли смогла бы в тот момент объяснить, чего ради ее вдруг потянуло в казино, она никогда прежде не увлекалась азартными играми, не играла даже в карты, только бильярд привлекал иногда, а тут...

Но они поехали в «Золотой орел», где несколько лет назад Коваль едва не погибла от взрыва установленной под одним из столов мины, и только умница Макс вовремя заметил ее и остановил хозяйку. С тех пор Марина не приезжала сюда, не желая напоминать себе о том случае.

Сегодня же управляющий встретил ее, как английскую королеву, провел к столу «рулетки», за которым было всего трое. Один из них – Гриша Бес, при виде Марины расплывшийся в улыбке и вставший:

– Здравствуй, дорогая! Не ожидал тебя здесь встретить.

– Сама не ожидала, – улыбнулась она, отвечая на его объятия. – А ты-то как у меня оказался?

– Что значит – у тебя?

– Это мое казино, не знал? – Марина села за стол и взяла протянутые ей из-за спины Хохлом фишки, незаметно оглядев зал и оценив оперативную и грамотную работу своей охраны, занявшей места по разным углам так, чтобы успеть перекрыть все ходы и выходы, если вдруг что-то произойдет.

– Опа! Ништяк местечко, – оценил Бес, тоже возвращаясь на место. – Что, испытаешь судьбу? – он кивнул в сторону «рулетки».

– Рискну.

Она поставила на черное, на семерку, и Бес укоризненно покачал головой, мол, совсем плохая ставка, но Коваль всегда твердо знала, что делает, и уж если рука потянулась, то так и будет. Закурив, Марина наблюдала за тем, как бешено крутится колесо «рулетки», и вдруг загадала: если выиграет сейчас, то Малыш вернется к ней, более того – она сама позвонит ему, наступив себе на горло. Колесо замедляло свой ход, сердце колотилось все быстрее и быстрее, Марина очень ясно представила, как и почему люди сходят с ума у игровых столов, не выдержав напряженного ожидания... Шарик упал туда, куда и должен был – семь, черное. Даже не сумма выигрыша возбудила ее в этот момент, хотя семь (опять!) тысяч гринов тоже не кот чихнул, а то, что должно произойти, если бог услышал ее. Хотя глупо, наверное, надеяться на помощь божью, делая ставки в сатанинском пристанище...

Хохол за ее спиной фыркнул и положил руку на открытое вырезом платья плечо:

– Еще?

– Нет, – решительно ответила Коваль, вставая из-за стола под неодобрительным взглядом Беса. – Поиграли – и хватит, самое главное – вовремя остановиться.

– Ты меня бросаешь? – недовольно спросил Бес. – Только приехала, рванула банк и убегаешь? Разве женщины так себя ведут?

– Я не женщина в том смысле, который ты вкладываешь, – усмехнулась она в ответ. – К сожалению, мне пора – уже довольно поздно, а живу я за городом. Прощай, Гриша, была рада тебя встретить.

Конечно, пришлось соблюсти законы гостеприимства и распорядиться поить его и всю его кодлу за счет казино, но что поделаешь...

Появление Беса именно в ее казино говорило только об одном – он доверял ей. В то, что Бес не знал, кому именно принадлежит заведение, Марина не поверила ни на секунду. Тот же Макар наверняка просветил своего компаньона и дал точный расклад, кто и чем владеет в этом городе. Так что все свои байки Гриша мог оставить при себе. Его умение прекрасно сыграть удивление Марине не понравилось, как не понравилось и то, что слишком уж часто они стали пересекаться.

...Утром, когда Марина нежилась в объятиях Хохла после плодотворно и с выдумкой проведенной ночи, раздался телефонный звонок. Недовольно выругавшись, она сняла трубку. То, что она услышала, привело ее в ужас и растерянность:

– Марина Викторовна, на офис «Империи» сегодня кто-то налетел, – чуть задыхаясь от волнения, пробасил Дрозд. – Розан тяжело ранен, сейчас в реанимации, а в конторе все разгромлено и сейфа с деньгами нет...

Первое, что пришло в голову, было, разумеется, организованное милицией «отмщение невинно пострадавших». Но проснувшийся Хохол сразу и категорично отмел эту версию:

– Фигня, киска, сейчас вообще не время им с тобой разбираться, суда не было еще, да и мало ли, что ты там опять выкинешь. Нет, это не шерстяные, зуб даю!

– Тогда – кто? – Коваль курила, вцепившись свободной рукой в волосы и пытаясь хоть как-то осмыслить произошедшее. – Женя, не бывает так – чтобы с утра такие новости, и концов не найти!

– Спокойно, разберемся! – Хохол встал с постели и начал одеваться.

– Ты куда? – удивилась она.

– Пойду проверю, как там охрана на воротах, а то, знаешь...

«Да-а, ситуация! И кто на сей раз решил попугать меня немного? Надо к Розану съездить, узнать, как и что, охрану приставить, докторам зарядить, чтобы по уму все... Блин...»

Выпив кофе, Марина велела Хохлу собираться в город, тот было уперся, мол, зачем, лучше переждать и не подставляться, но наткнулся на ее «фирменный» взгляд и замолчал, только вынул из кобуры «макаров» и проверил в нем патроны.

Марина в нетерпении постукивала по полу тростью – состояние Розана очень беспокоило ее. Человек, которому она абсолютно доверяла, который помог ей не раз и не два, на которого можно было положиться и не проверять, как он выполнит задание... Серега стал за много лет почти родным, многое знал о своей хозяйке, часто помогал выпутаться из различных неприятностей, будь то разборки, связанные с делами, или семейные ссоры с Малышом, а затем и с Хохлом. Терять такого человека Марина не собиралась...

Через час Коваль уже неслась по коридору больницы, распугивая персонал и больных своим видом. В ординаторской ее встретили как родную – заведующий вообще всегда хорошо к ней относился, а с тех пор, как она и ее окружение попали в разряд постоянных клиентов, он молиться на Марину был готов – денег та не жалела.

– Витя, не тяни, говори все – что с моим замом? – с порога спросила Коваль, плюхаясь в его кресло и вынимая пачку сигарет.

– Дело хреновое, – без предисловий и расшаркиваний ответил он, зная, что она не зарыдает и в обморок не грохнется, характер не тот. – До вечера вряд ли дотянет, там пуля возле сердца застряла, извлечь не смогли, началось кровотечение, кое-как остановили. Да и так крови много потерял, и группа редкая у него – четвертая, отрицательный резус, у нас в банке всего два пакета было.

– Доноров в резерве нет, что ли?

– Коваль, ты ж не первокурсница! Какие доноры нынче? – Витька тоже закурил и отвернулся к окну.

– Так... – протянула Марина, бросая в пепельницу сигарету и вынимая из кармана телефон. – Женя, собери пацанов, всех, у кого четвертая группа крови, пусть немедленно сюда едут, иначе Розана потеряем! Позвони Стасу, у него в агентстве есть карточки на всех охранников, там должны быть данные по группе, пусть тоже всех поднимет – и сюда! Женя, только быстро, я тебя очень прошу!

– Я понял, киска, сделаю. Данила под дверью, без него ни шагу, поняла?

– Да.

Она бросила телефон на стол и посмотрела на заведующего:

– Еще что-то надо?

– Коваль, я тебе удивляюсь – неужели за те пять лет, что ты тут не работаешь, ты успела забыть все на свете? Нельзя вытащить человека с того света никакими деньгами, даже твоими.

– Я сказала – НАДО, Витя! – тихо и зло бросила Марина, уставившись на него. – Понимаешь? Ты ведь не хочешь, чтобы я тут резню устроила? А я могу, ты ж меня знаешь! Подумай об этом.

– Я ведь не господь бог! Думаешь, стоит тебе захотеть, и все само собой устроится? И в палату я тебя не пущу – незачем! – огрызнулся Витька.

Марина долго и пристально всматривалась в лицо заведующего, в душе решая проблему морального свойства – стоит ли воздействовать силовыми методами или все-таки он прислушается к голосу разума. Витька раздраженно вертел в руках карандаш, и на его лице читалось только одно желание – чтобы незваная гостья как можно скорее убралась из кабинета. Деньги деньгами, но то, что за каждую копейку Марина спросит по полной программе, он знал прекрасно. И потом – дай ей волю, и она все отделение утыкает своими быками, как редиской, а кому охота разгуливать среди вооруженных отморожков?

– Я тебе все сказал, больше нечего добавить, – буркнул он с намеком – мол, пора и честь знать, дорогая.

И тогда Коваль, у которой было совершенно другое мнение на этот счет, выхватила из кармана «вальтер» и уперла его Витьке прямо в бок.

– Ведь я просила – не доводи до греха! – почти ласково высказалась она, беря его свободной рукой под локоть и выводя в коридор. – И не вздумай шум поднять – выстрелю, не сомневайся. Идем в палату, посмотрим, что там творится.

Данила стоял у дверей ординаторской как революционный матрос у кабинета Ленина, и глаза его выразили недоумение, когда он увидел хозяйку под ручку с заведующим, имеющим бледноватый вид. Заметив в ее руке пистолет, Данька тоже слегка изменился в лице, но молча последовал за ними и встал у двери палаты, где лежал Розан.

Сергея был без сознания, на аппарате ИВЛ, лицо приобрело землистый оттенок, что и неудивительно при такой кровопотере. Марина подтолкнула заведующего к кровати, сама подошла следом, мельком глянув на мониторы.

– Ну, видишь теперь? – облизнув губы, спросил Витька. – Убери пушку, я ж спокойно себя веду, а то разговаривать трудновато.

– Извини, Витек.

Ствол она убрала, но Витька по-прежнему косился в ее сторону. Марина же смотрела на своего заместителя и понимала, что шансы выкарабкаться у него ничтожно малы, но она сделает все, что сможет, чтобы помочь ему. Они так и просидели в палате до самого приезда Хохла с тремя пацанами, у которых оказалась нужная группа крови. И это тоже было хорошим знаком – столько доноров найти с редкой группой... Витька повел их в отделение переливания, а Хохол силком выволок Марину из палаты и потащил вниз, к машине:

– Все, домой! От тебя тут толку нет, охрану оставили, Дашку пришлем, чтобы посидела, денег лепилам зарядили – хватит! Ты опять голодная весь день, на одном куреве, так и сама загремишь!

Он запихал ее в машину, и тут Данька что-то зашептал ему на ухо, после чего Хохол помрачнел и сощурил свои глазищи. Сев на первое сиденье, он повернулся и протянул руку между спинкой кресел:

– Ствол сюда!

– Отвали! – огрызнулась Марина.

– Я кому сказал – ствол сюда! – повысил он голос, но Коваль, естественно, не подчинилась.

– Рамсы попугал? Не смей со мной так разговаривать!

– Я прошу тебя – отдай мне ствол, – упрямо твердил Хохол, но Марина опять велела отвалить и отвернулась в окно. Поняв бесполезность этого мероприятия, Женька со вздохом сказал Юрке: – В «Шар» гони, там хоть поесть ее заставлю.

Идея была богатая – есть хотелось, а домой – нет, поэтому Коваль промолчала, набросив на плечи свою куртку, валявшуюся на сиденье, и задремала немного.

Хохол сразу снял кожанку и набросил ей на ноги. Юрка, забывшись, начал насвистывать что-то и тут же получил по макушке – Женька кивнул на заднее сиденье, где, свернувшись, дремала Марина, и водитель виновато пожал плечами. Хохол поднял перегородку, чтобы никакие звуки не долетали до спящей, и задумался. Ему было жаль Розана, но еще сильнее беспокоило то, что в случае чего Коваль останется без поддержки. Как ни крути, Розан мужик, и его слово имело вес как среди братвы, так и среди авторитетов. И теперь неизвестно, как повернется – не начнут ли прижимать Марину тот же Макар, Ворон или сам Бурый? Ведь ни для кого не секрет, что все они страшно недовольны присутствием в своих рядах женщины – так не станет ли ранение Розана удобным поводом, чтобы изменить ситуацию? На своих ребят можно было рассчитывать – за столько лет они привыкли и не выражали недовольства, тем более что Коваль сумела внушить всем уважение и даже страх. Плюс ко всему она умела быть справедливой, не кидала своих на деньги, что тоже добавляло ей авторитета. И все же, все же... Хохла не покидало тревожное предчувствие. Никому нельзя верить, вообще никому – ни чужим, ни своим. Это трудно и тяжело, но выхода нет – чтобы выжить, надо подозревать всех.

Домой вернулись к вечеру, и Марина сразу пошла к себе – вдруг разболелась голова, да так, что хоть плачь. Она лежала на кровати с мокрым полотенцем на лбу и боялась даже шевельнуться. Кое-как уснула в непривычной и неудобной позе на спине, мучилась всю ночь от невозможности перевернуться, чтобы не потревожить утихшую наконец-то голову. Утром стало вроде полегче, и Коваль даже встала и поплелась в душ, включив воду похолоднее, чтобы совсем прийти в себя. Странно, но Хохол не зашел к ней пожелать доброго утра.

«Неужели спит еще? – В полотенце она спустилась вниз, постучала, но он не отозвался, и тогда Марина толкнула дверь и вошла, обнаружив, что комната пуста, а постель заправлена. – Бегаешь, значит, черт неугомонный». На улице лил такой дождь, что нормальному человеку и в голову не пришло бы нос высунуть из дома.

Марина переоделась в джинсы и футболку и села в каминной пить кофе, включив телевизор и бродя по каналам в поисках чего-нибудь не портящего аппетит с утра пораньше. На местном канале шли новости, и она оставила их, не прислушиваясь особо до тех пор, пока на экране вдруг не возникло здание городской больницы, оцепленное милицией.

– Сегодня около трех часов ночи в отделении реанимации городской больницы был застрелен один из известных авторитетов криминальной группировки Марины Коваль, Сергей Розанов по кличке Розан, – выдала миниатюрная блондинка в джинсовом костюмчике, стоящая под большим зонтом с микрофоном в руке. – Как нам стало известно, вчера утром Розанов был ранен при налете на офис «Империи удачи» и находился в тяжелом состоянии в отдельной палате реанимационного отделения под охраной. Около трех часов ночи в отделение проникли неизвестные люди в масках, заперли персонал в подсобном помещении и уничтожили всю оставленную у палаты охрану, а затем и самого Розанова. Погибли пять человек, принадлежавшие также к группировке Коваль. Никаких комментариев правоохранительные органы пока не дают, а узнать мнение госпожи Коваль по поводу этих двух инцидентов мы постараемся как можно скорее.

Марина выключила телевизор почти машинально, не в состоянии осмыслить полученную информацию и уложить ее в голове... Погиб Розан, погиб Дрозд, еще трое ее пацанов, прямо в больнице, где и без них полно охраны...

– Где, на хрен, Хохол, когда он мне нужен?! – Марина вскочила и заорала на весь дом: – Хохол!!! – Но ответа не последовало. – Чертов марафонец, я тебе покажу, когда вернешься!

И тут ее словно холодной водой окатили – а ведь она совсем одна в доме! Дашка в городе, Хохол бегаёт где-то, а Марина – одна, только на воротах охрана, Даньку и всех личных своих охранников она вчера имела глупость отпустить! Черт, а вот это уже неприятность...

С каждой минутой тревога росла, а Женька все не возвращался, это было уже странно и настораживающе – он не задерживался так долго никогда. На всякий случай Коваль сунула в карман спортивной кофты пистолет и, выйдя на крыльцо, крикнула засевшему в будке у ворот Коту:

– Костя, Хохол давно убежал?

– Да уже часа четыре мотыляется где-то, – откликнулся тот, высовываясь из двери.

– Костя, вызвони мне Даньку и Аскера, пусть сюда несутся, у нас проблемы – Розана добила и Дрозда, и всех пацанов, кто в больничке был!

– Ну, ни фиги себе! – выскакивая из будки, заблажил Кот и под льющим непрерывно дождем понёсся к Марине. – Идите в дом, Марина Викторовна! – Он почти силой затолкнул ее в прихожую, закрыл дверь и схватил телефонную трубку. – Сейчас я всех подниму и Стасу позвоню, пусть подъедет и пару парней прихватит, а то неизвестно еще, что с Хохлом стряслось, а вы одна...

Марина даже думать не хотела о том, что могло случиться с Женькой, она все еще надеялась, что он просто забегался или что-то в том же духе.

Но прошел час, его по-прежнему не было, уже приехал Стас с двумя огромными мужиками, при одном только взгляде на которых Коваль передернуло; уже вернулись из города Данька и Аскер, успевшие добраться до больницы и вытрясти незаметно из дежурившей ночью девчонки подробности ночного налета, а Хохла все не было...

– Говори! – велела Марина Даньке, усевшись в каминной с сигаретами.

Данила перемаял плечами, настороженно глянул на Стаса, развалившегося в кресле, на замерших у дверей незнакомых мужиков в строгих черных костюмах. Марина нетерпеливо постукивала ногтями по подлокотнику, и Данила решил наконец:

– Да там непонятки, Марина Викторовна. Девка эта сказала, что ночью вломились, весь персонал сразу в процедурном кабинете закрыли, они только через дверь слышали, как там в коридоре возня шла, а потом все стихло. Сестры стали дверь ломать, выбрались, наши все с перерезанными глотками лежат, а у Сереги во лбу дыра. Почему только они не стреляли, наши-то? – изумленно спросил он. – Ведь все со стволами были...

– А Дашка где?

– Дашка в туалет уходила, он в самом конце коридора, повезло ей, а то тоже бы лежала сейчас...

Коваль сжала пальцами виски и зажмурилась, стараясь сосредоточиться и понять причину. Главное, кто мог повернуть такую операцию столь оперативно и почти бесследно? Сколько навалилось всего – через месяц суд, в конторе развал, ее людей кто-то прореживает, да еще так аккуратно и по самым вершкам!

– Стас, откуда охрана? – обратилась Марина к сидевшему напротив Логинову.

Будущие телохранители застыли в позе статуй у двери каминной – один рыжеволосый, широкоплечий, с простоватым лицом и открытым взглядом, другой – полная противоположность: высокий, поджарый, темноволосый, с орлиным профилем и жесткими карими глазами. «Доктор Джекилл и мистер Хайд», – подумала Марина про себя и перевела взгляд на Стаса.

– Сева – бывший «альфовец», по ранению комиссовали.

– Надеюсь, не в голову? – перебила она. – А то я сама такая, вдруг чего не поделим?

Стас хохотнул, оценив хозяйкину иронию:

– Нет, Марина Викторовна, в легкое и в живот, вполне адекватный, хорошо владеет огнестрельным и холодным оружием, знаком и с подрывными работами. А второй – Гена, спецназовец, толковый мужик, рукопашным боем владеет, черный пояс по дзюдо.

– Супер! Значит, так, парни, – обратилась Коваль к телохранителям. – Я баба с придурью, люблю неприятности и с успехом их себе организую, так что работы будет много, интересной, разнообразной и с риском для жизни, рекомендую настраиваться на худшее. Рядом со мной живут, как на передовой, – мало, но героически. Если кто-то не хочет или не может – я не в претензии, можете уйти сейчас, потом будет поздно.

Она прищурила глаза и смотрела на них изучающе, но мужики видали еще и не такое, оба только плечами пожали, а потом высокий, темноволосый Гена сказал:

– Это работа, ее не выбирают.

– Ага, есть такая профессия – Коваль охранять! А ты? – повернувшись к молчавшему рыжему Севе, поинтересовалась Марина, слегка усмехнувшись.

– А что я? – чуть наклонив голову, приятным баритоном отозвался он. – Женщину охранять не приходилось, но, думаю, это не очень сложно.

Тут закатился Стас, вытирая заслезившиеся от смеха глаза:

– Ой, Севка, Севка, не знаешь ты, куда попал и к кому! Да проще охранять три отряда эков, чем одну вот эту женщину!

– Попробуем – где наша не пропадала! – улыбнулся он.

– Вот и прекрасно, – подытожила Коваль. – Один момент – семьи есть? Это не праздное любопытство, я не хочу в случае чего чувствовать бремя вины перед вашими женами и детьми.

– Нет, – в унисон ответили они, и ей полегчало – оба ей понравились, и Марина уже хотела, чтобы именно эти двое и охраняли ее.

– Замечательно. С жильем проблем не будет – моя охрана живет здесь, в вашем распоряжении коттедж в два этажа, Данила покажет комнаты. Выходные бывают, но гарантировать ничего не могу – мой образ жизни не подчиняется рабочему графику страны. В свои выходные можете делать все, что сами хотите и где хотите, но в то время, когда вы со мной, косяков быть не должно. Терпеть не могу рядом с собой пьяных или похмельных, хотя сама частенько бываю «в дрова». Я вам это рассказываю для того, чтобы вы четко представляли, насколько я не подарок, – пояснила Коваль обалдевшим от подобной откровенности охранникам. – Ну, остальное разберем в процессе жизни. Свободны. Данила, проводи.

Данька оторвался от стены и кивнул новым телохранителям, предлагая следовать за собой.

– Зашугали сразу, Марина Викторовна, – отметил Стас, когда все трое вышли.

– Пусть знают. Стас, что же делать, а? Кто мог Серегу и пацанов завалить, как думаешь?

Стас щелкнул зажигалкой, затянулся дымом и спросил:

– С кем конфликтуете в последнее время?

– С Бурым, – вздохнула Марина, понимая, что вот он, ответ на ее же собственный вопрос.

– Тогда о чем думать? – Стас пожал плечами и потянулся к бутылочке с минеральной водой, стоявшей прямо перед ним на столике. С бульканьем опустошив ее, он утер рот ладонью и осторожно посмотрел на задумавшуюся над чем-то хозяйку. – Или вы считаете иначе?

– От всей души надеюсь, что это не так, иначе придется завернуть Бурому салазки. Знаешь, за что он мог попереть на меня?

– Знаю, Розан говорил. За Гришу Беса, за то, что вы не захотели помочь Бурому его в город не пустить.

– Стас, не в моих желаниях дело, – поправила она. – Бурый обломался попросить о помощи, хотел, чтобы я сама предложила, а мне-то оно надо разве? Меня Бес не тронет, у нас уговор.

– Так, может, вам теперь Беса и подписать, чтобы вступился? – высказал Стас мысль, которая и Марину, признаться, посетила. – Забейте стрелку и там все как есть разложите. Так, мол, и так – перерезал моих бойцов, наказывать бы надо.

– Не пойдет – наказать я могу и сама, да так, что мало не покажется. Но помощь бы пригодилась, конечно, – признала она. – Смотри – Дрозд погиб, кого я вместо него поставлю? А вместо Сереги? Это ж вообще вторая я был... Сука, найду, кто его, – за причиндалы вздерну и причин не спрошу!

Коваль вскочила из кресла и заходила по комнате кругами, чувствуя, как начинает болеть правая нога, всегда остро реагирующая на перемену погоды и особенно на влажность. Теперь ее донимал только один вопрос, ответа на который Марина не знала: куда исчез Хохол?

Мучилась она до самого вечера, отрядив Стаса заниматься организацией похорон Розана и пацанов. Все худшие подозрения обрели подтверждение около одиннадцати часов, когда зазвонил телефон, и глуховатый голос Дрюяна произнес:

– Наковальня, Бурый просил передать, что твой кобель у нас, приезжай, если он тебе очень нужен.

– Что еще за финты, урод? – рывкнула Марина в трубку. – Я тебя похороню, Дрюян, так и знай!

– Да мне по хрену твои угрозы, дамочка! Я передал то, что мне было велено, а уж ты теперь сама думай, как быть. – И он бросил трубку, а Коваль завывала в голос от бессилия и злобы. Бурый поймал ее за чувствительное место, теперь будет давить до тех пор, пока она не согласится на его условия. И выбора нет – она не может бросить Хохла, слишком много он значит для нее, слишком многим она ему обязана. Марина решительно набрала номер сотового, принадлежавшего Бурому, и когда тот снял трубку, без предисловий спросила:

– Что ты хочешь?

– А что ты можешь? – пьяно отозвался он – видимо, продолжал заливать страх и горе.

– Я конкретно спросила – что ты от меня хочешь? – повторила Коваль, пытаясь удержать рвущиеся из нее далеко не лестные слова.

– Сделай так, чтобы мои проблемы стали и твоими тоже.

– Что ты имеешь в виду?

– Помоги мне разобраться с Бесом – и забирай своего кобеля.

– Интересно, как я должна это сделать, не подскажешь?

– Ты ж умная у нас, столько обломала и обвела, как я могу тебя учить? – заржал Бурый. – Подумай сама, авось что-нибудь родится!

– Где гарантии, что ты свое слово сдержишь?

– Охренела, телка?!

– Сам ты охренел! Кто завалил моего Розана, не ты? – сорвалась все же Марина.

– И что? – ответ был в принципе ожидаем – Марина подозревала, что это именно Бурый решил наказать ее таким способом за неповиновение. Однако признание «смотрящего» все же больно отозвалось в сердце. Справившись с собой, Марина продолжила:

– Так, ну это отдельная тема, потом обсудим. Но если с Хохлом что-то произойдет – не обижайся! – И она бросила трубку на кровать, понимая, что пришло время воспользоваться новым знакомством.

Отыскать сотовый Беса оказалось делом непростым. Коваль подняла за ночь все свои связи, добыла-таки номер, позвонила сразу, даже не озаботившись взглянуть на часы. В половине пятого утра Бес был не особо рад ее слышать:

– Рехнулась?! Ночь на дворе!

– Гриша, прости, у меня мало времени, – начала она с места в карьер. – Бурый меня напряг, хочет, чтобы я с тобой разругалась по его поводу.

– Сука, бабу ввязал! – презрительно высказался окончательно проснувшийся Бес. – Лошара позорный...

– Оставь лирику, а? – попросила Марина. – Он прихватил моего телохранителя, и теперь требует взамен помощь.

– Это здорового бугая, что с тобой везде отсвечивает? А я, грешным делом, подумал, что это твой любовник, – Бес выразился, конечно, менее изящно, но смысл был этот.

– Ну, да, да! И поверь – потерять его я очень не хочу.

Бес замолчал, было слышно, как он закуривает. Марина нервно барабанила ногтями по столешнице. Наконец, после покашливания, Гришка снова заговорил:

– А от меня-то чего хочешь?

– Давай что-нибудь сделаем, чтобы и тебе, и мне хорошо было.

– Это как? – усмехнулся Бес, догадавшийся, что имеет в виду Коваль, и понявший, что выиграл, потому что припертая к стене красотка сейчас согласится если не на все его условия, то на большую их часть.

– Тебе ведь все еще хочется стать здесь «смотрящим», да? Я могу помочь – настрою Ворона против Бурого. Тогда нас уже трое, да плюс Макар, и мы его легко спихнем.

– А мне не спихнуть, мне его убрать надо, – спокойно отозвался Бес. – Он мне мешает.

«О, блин, час от часу не легче! Только этого не хватало!»

– Так я и думала, что ты меня обманешь. А еще братом назвался! – с горечью сказала Коваль, осознав, что попала в такие разборки, из которых может и не выбраться живой.

– При чем тут наши с тобой отношения? Ведь я обещал, что ты останешься в стороне, – отмел упреки Бес. – Ты просто помоги мне подобраться к нему поближе, и гуляй себе дальше со своим Хохлом.

– И как я должна это сделать? – Второй раз за сегодняшний бесконечный день она задавала этот вопрос.

– Ты же поедешь к нему, чтобы обсудить, как быть со мной, так? Вот мы вместо твоей охраны моих парней и загрузим.

– Не считай остальных дурнее себя, это очень опасно. Бурый знает мою охрану в лицо.

– Слушай, женщина, не испытывай мое терпение, – рыкнул вдруг Бес, и Коваль вздрогнула от неожиданности. – Сегодня ночью почти всю твою личную охрану перерезали в больнице, это и я знаю! Ты же не можешь одна тусить по городу, правда?

А ведь он прав – она не может, и нет ничего странного в том, что обзавелась новой охраной, которую Бурый может и не знать. Гениально...

– Договорились! – решительно сказала Марина. – Только одно условие – я возьму с собой двух своих настоящих охранников, потому что не желаю быть убитой, если вдруг что, твоими парнями.

Бес захохотал, довольный тем, что она согласилась на его предложение так быстро и почти без претензий. Кроме того, резон в ее словах был – Марина хотела предусмотреть все, да и кто на ее месте рискнул бы оказаться один на один с незнакомыми людьми, имеющими невесть какой приказ от хозяина? Кто мог поручиться, что он, Бес, не прикажет убрать попутно и ее? Так что осуждать ее было глупо.

– Молодец, девочка, соображаешь! Значит, договорились?

– Да. Созвонимся завтра, а то я с ног валюсь, спать хочу.

Сон сморил мгновенно, едва только она коснулась головой подушки, но выспаться как следует не удалось – преследовали кошмары. Коваль металась по постели, вся мокрая и в каком-то бреде, вскакивала несколько раз, очнувшись и понимая, что она дома, что ей ничего не угрожает.

Утром Марина кое-как разлепила глаза, заставила себя встать и принять душ. Из кухни доносился запах свежесваренного кофе, и она решила, что вернулась Даша, но это оказался новый телохранитель Сева, при ее появлении на кухне вытянувшийся в струнку.

– Доброе утро, Марина Викторовна! Кофе?

– Атас! – прокомментировала Коваль, усаживаясь на табуретку. – Исполнительный ты мужик, Сева! Сам додумался?

– Нет, парни подсказали, – улыбнулся он, наливая кофе в чашку и ставя на блюдце рядом с пепельницей.

– Люблю честных, – заметила Марина, отпивая глоток, и поразилась вкусу корицы в напитке. – Слушай, да ты пронырлив, даже про корицу узнал!

– Так надо ж привычки охраняемого знать! – подмигнул Сева, присаживаясь напротив. – Вы не думайте, что я выслужиться хочу, просто вы такая молодая, а жизнь такая жестокая, что хочется хоть немного ее облегчить. А как я могу это сделать? Разве что кофе любимый сварить!

– Спасибо, я ценю твою заботу. Слушай, а сколько тебе лет? – поинтересовалась она, закуривая.

– Тридцать пять.

– Прежние мои охранники были старше.

– Вас смущает мой возраст?

– Мне абсолютно все равно, меня интересует только один вопрос – могу ли я доверить тебе свою жизнь, а все остальное мелочи.

– За свою жизнь вы можете быть совершенно спокойны, – уверенно сказал Сева. – Пока мы с Генкой рядом, ничего не случится. Мы не первый год вместе работаем, в паре, у нас все отлажено и поделено, так что...

– А до меня кого охраняли?

– Банкира одного, Сазонова.

– Сазана? Знаю его. А потом что случилось?

– Он в Москву подался, там, говорит, другую охрану возьму.

– Обидно? – спросила Марина, внимательно глядя ему в глаза, и он их не отвел.

– Не обидно – противно. Точно мордой в дерьмо макнул – мол, здесь и вы хороши, а в столице покруче найду, вы рожей не вышли.

– Ну, со мной подобного не случится – я отсюда никуда, а охрана у меня только погибнуть может, а уйти – никогда, просто переходят на другую деятельность. И вообще, я всегда с телохранителями мирно живу, сильно стараюсь не доставать, разве что иногда напиваюсь очень сильно, просто до отключки. Да еще одна проблема – нога у меня хромая, иногда очень сильно болит, ходить не могу, приходится кому-то носить на руках, но весу во мне всего пятьдесят кило, так что жалоб не было.

Сева засмеялся и подлил еще кофе:

– Вы такая интересная, Марина Викторовна! Сразу все о себе выложили.

– А чтоб ты знал, с кем дело иметь придется. Изучай охраняемый объект! Так, на этом прекратим лирическую беседу. – Она решительно встала и заходила по кухне. – У меня сегодня очень напряженный день намечается, возможны, так сказать, эксцессы, будьте готовы.

– Куда-то собираетесь?

– Да, на стрелку. В подробности, извини, не посвящаю – ни к чему тебе это, прошу только быть предельно осторожными и внимательными и, что бы там не началось, не ввязываться, если нет прямой угрозы мне лично. – Марина пристально посмотрела в лицо Севы и еще раз спросила: – Это ясно?

– Конечно. Я не первый день бодигардом работаю, – улыбнулся Сева. – Вы не переживайте, мы с Генкой свое дело знаем отлично, это я не хвастаюсь, так и есть. И место свое мы тоже прекрасно знаем, в ваши дела не полезем.

– Тогда пока свободен. Спасибо за кофе.

Телохранитель вышел, хлопнула входная дверь. Коваль пошла в каминную и села перед телевизором, не включив его, долго пялила глаза в темный экран и думала. Через два дня похороны, сегодня она должна, обязана просто, вынуть Хохла у Бурого, иначе будет очень трудно, все остальные намного дальше от нее, только с Женькой можно быть откровенной до

конца, только он может помочь и посоветовать. Зазвонивший телефон заставил встряхнуться, это опять был Друян:

– Здорово, Коваль! Подумала?

– Да. Условия? – коротко спросила она.

– Тогда ждем тебя сегодня к обеду, – заржал он. – Смотри, поторопись, а то бугай твой может околеть ненароком, в погребе ведь сидит, а там холодно и сыро. И гляди, чтоб без фокусов – башку свернем!

– Я приеду не одна, можешь так и передать своему шефу, – отрезала Марина. – Без охраны даже шагу не сделаю, хоть убейте! Я уже однажды прокатилась без охраны, потом долго отлеживалась, вся переломанная!

– Мы это просчитали, так что бери свою охрану, но не больше трех человек.

– Пятерых! – решительно и безапелляционно сказала она.

– Ладно, но только смотри! – предупредил Друян. – Сперва базар будет, потом своего Хохла получишь, по итогу, так сказать!

– Я вам, падлы, покажу итоги, аж подводить замучаетесь! – зло высказалась Марина, бросив трубку, но потом передумала и сразу же позвонила Бесу, рассказала о своем разговоре с Друяном.

– Продумали, сука! – протянул Бес, выслушав внимательно. – Сделаем так – охранников возьми двоих, а трех еще я подгоню. Да не бойся, не подставляю, – усмехнулся он, поняв, видимо, о чем она думает. – У меня классные исполнители, все сделают на раз, даже испугаться не успеешь.

– Ох, хорошо бы, кабы так, а то я пуганая – дальше некуда. Гриша, а если что-то не так пойдет?

– Падай на пол и лежи смирно, – с иронией сказал Бес. – Ты мне не доверяешь, что ли?

– Не особо, – честно и прямо ответила Марина, шаря рукой по столу в поисках сигарет. – Я знаю тебя всего ничего и поэтому на сто процентов доверять не могу, это не в моих правилах.

– Это верно. Но сейчас у тебя просто нет выбора, ведь так?

– В принципе, выбор есть всегда, но обстоятельства не позволяют мне долго раздумывать и искать выход, поэтому мы с тобой сейчас и разговариваем.

– Умная ты девка, правильно про тебя говорят – не вяжется Наковальня в разборки, пока не просчитает все входы и выходы. Ты не переживай, мои люди сделают все, чтобы ты не пострадала, – заверил Бес, и она от всей души понадеялась, что так оно и будет.

Часов до двенадцати Марина прослониалась по дому, не зная, куда себя деть и чем занять руки и голову. Появившаяся наконец Даша сидела на кухне и, всхлипывая, рассказывала то, что сама видела в больнице в ту ночь, когда погибли Розан и пацаны. Ее глаза покраснели от слез, было видно, что добрая и влюбленная в Розана Даша плакала всю ночь и до самого момента встречи с хозяйкой.

– Ой, Марина Викторовна, если бы вы только видели, – шептала она, слизывая с губ слезы, – там, как на бойне... Кровь кругом, ребята вповалку в коридоре лежали, все стены, весь пол в кровавых потеках... И Сережка... я вошла, а он... как будто уснул, только дыра во лбу... – она опять навзрыд заплакала, закрыв лицо руками.

– Не плачь, Дашенька, им уже не можешь.

Дашка поревела еще немного, а потом вдруг встrepенулась и спросила:

– А что-то Женьки не видно, в городе, что ли?

– Нет, Даша, нет его, – тяжело вздохнула Марина, пряча глаза, в которых сразу появились слезы. – Его похитили вчера утром, когда бегать ушел...

– Мамочка моя... – растерянно протянула Даша, прикрыв рукой рот и опускаясь на табуретку. – И что теперь, Марина Викторовна?

– Поеду вытаскивать.

– Господи, сами?

– А ты вместо меня хочешь? – невесело улыбнулась Коваль, глядя на ее растерянное лицо. – Я все сама делаю. Кстати, там у меня новые охранники, ты не удивляйся, если что – два мужика из агентства, Сева и Гена.

– Да, я потом познакомлюсь.

У Даши было одно очень ценное для домработницы качество – она всегда старалась угодить всем, живущим в доме, независимо от того, была ли это Марина или ее телохранители, водители и прочие, поэтому она привыкла при знакомстве с новыми людьми сразу выяснять предпочтения и вкусы. За это ее любили все пацаны, так как она ухитрялась не путать, кто что любит, и всегда кормила их вкусно.

Пора было собираться... Уже сидя в «Хаммере», Марина почувствовала легкое возбуждение – так всегда бывало перед особо важными встречами и делами, это был хороший знак. В центре подобрали бесовских исполнителей, они молча уселись во второй джип, идущий следом за Марининым. Какие-то странные – внешность никакая, даже не узнаешь потом при встрече, но, может, в этом есть смысл – никто примет не назовет, если что?

«Господи, какая ерунда в голову лезет, просто жуть...»

Надо бы сосредоточиться на предстоящем разговоре с Бурым, а она не могла, никак не получалось, о чем угодно думала, только не об этом...

– Дайте прикурить, – попросила Марина, обнаружив, что забыла дома зажигалку, и Гена с первого сиденья протянул дорожную позолоченную «Зиппо». – Не слабо! – заметила хозяйка, прикуривая.

– Подарок, – объяснил он. – Друг подарил после одного задания.

Марина смотрела вопросительно, ожидая продолжения, однако Гена молчал. Это понравилось Коваль – болтливые мало живут. В ее взгляде промелькнуло что-то похожее на уважение. Она перекинула ногу за ногу, чуть приоткрыла окно и выдохнула дым. Ветер засвистел в салоне, взметнув вверх Маринину челку, Коваль убрала ее совсем, прижав солнечными очками. Гена бросил взгляд в зеркало заднего вида и удивился тому, насколько другим стало лицо женщины – казалось бы, что особенного в убранных наверх волосах? Но это изменило и выражение глаз, и, кажется, даже мягко очерченные губы, подкрашенные красной помадой, не кривились больше в нервной ухмылке, а чуть улыбались. «Н-да, досталось нам счастье, – подумал телохранитель. – Первый раз такое чудо вижу...»

– Парни, я вас очень прошу: не делайте удивленных лиц, не зевайте по сторонам – там, куда мы едем, этого не любят. Попробуйте отключиться и не слышать, не видеть ничего, что происходит, – попросила Коваль, сильнее открывая окно, и стряхнула пепел прямо на улицу. – Я говорю это для вашей безопасности, закон «меньше знаешь – дольше живешь» еще никто не отменил, особенно среди таких, как мы.

– Не волнуйтесь, Марина Викторовна, мы не вчера родились и не с сегодняшнего дня телохранителями работаем, – отозвался Гена.

– Отлично, это я уже слышала сегодня утром. Приехали, мальчики.

Джип остановился у ворот дома Бурого, и к нему медленно приближались охранники. Коваль не шевелилась, не делала попыток выйти – знала, что делать это без дополнительной просьбы не стоит, охрана может открыть стрельбу. Такое было однажды – буровские отморозки изрешетили «Мерседес» приехавшего к нему на разборки коммерсанта, едва только незадачливый мужик сделал попытку покинуть салон машины, не дожидаясь разрешения.

– Из машины выходите, Марина Викторовна, – приоткрыв дверку, попросил Валет, худощавый, горбатый мужик лет сорока, хорошо знавший Марину в лицо.

Она подчинилась, насмешливо наблюдая за действиями буровской охраны, тщательно обыскивающей машины. Усердные парни залезли всюду, от колес до багажника, прощупали чехлы сидений, даже оплетку руля.

– Ну, закончил? – нетерпеливо постукивая ногой по колесу, осведомилась Коваль у Валета.

– Да, закончил. Вам разрешили столько народу с собой брать? – он кивнул в сторону настоящих и мнимых охранников.

– А кто-то мог мне запретить? Ты не попутал ничего?

Валет смешался под ее взглядом и отступил назад:

– Проезжайте...

– Вот так бы и сразу! – похлопав его по щеке, бросила Коваль небрежно и села в машину. – Юрка, гони.

У самого крыльца стоял Друян, курил, часто сплевывая на дорожку, выложенную красно-желтым кирпичом. Марина шла прямо на него, не сводя взгляда с растерявшегося мужика, и тот, поежившись, спросил:

– Ты чего, Наковальня? Прямо как по минному полю прешь!

– Где Бурый? – проигнорировала вопрос Марина.

– Дома, тебя ждет.

– Веди!

– А это охрана твоя, что ли? – кивнул он на идущих за ней. – Что-то не знаю никого.

– А ты кто – господь бог, чтобы в лицо всю мою охрану знать? – У Марины руки чесались врезать ему по морде, она изо всех сил старалась удержаться от соблазна, поэтому вопросы, задаваемые Друяном, были совершенно некстати.

– Нет, это я так... Быстро ты своего орла заменила, вот я к чему. А он, наверное, и не подозревает.

– Так, все, пасть закрой – и вперед! – отрезала она, разозлившись при одном только упоминании о Хохле: все это время старалась отогнать от себя мысль о том, что с ним, чтобы не расстраиваться и не плакать.

Друян проводил их в дом, охрана разместилась по углам комнаты, и Марина отметила про себя, что Гришины люди и впрямь отличные спецы – никто и не заподозрил их в том, что они не совсем те, за кого себя выдают.

Вальяжный и на удивление трезвый Бурый спустился со второго этажа в обнимку с молодой, как сказал бы Хохол, «соской», годящейся ему даже не в дочки – во внучки. Худая, высокая девчонка с длинными волосами, выкрашенными в свекольный цвет, обнимала Бурого за талию, прижимаясь высокой грудью и глуповато хихикая. Эту малолетку Бурый подцепил в модельном агентстве, хотя логичнее было бы называть эту контору, принадлежащую Макару, борделем. Чем старше становился Бурый, тем моложе делались девицы, окружавшие его. Они надеялись на обеспеченную и безбедную жизнь, однако ни одной из них не удавалось задержаться рядом с вором дольше чем на месяц. Вот и эту раскрашенную куклу, скорее всего, ожидала та же участь.

Бурый со своей подружкой остановились на предпоследней ступеньке, и он с издевкой протянул, глядя на Марину сверху вниз:

– О, какие люди в моей хате! Сама Наковальня! И чем же это я тебе обязан, что ты так прогнулась и сама приехала?

– Цирк прекрати! Я по делу приехала, по твоему, кстати, так что давай разговаривать. – Марину взбесило его желание выставиться перед соплячкой. – Пусть твоя кукла погуляет пока, здесь не детсад.

Пахан не удостоил ответом, потянул девчонку за собой в гостиную. Марина пошла следом, еле сдерживаясь, чтобы не огреть «смотрящего» по затылку чем-нибудь тяжелым, благо

что в гостиной этого добра хватало – целая коллекция бронзовых статуэток украшала «горку» и две низкие тумбы по бокам.

– Ты попугала совсем? – садясь в кресло и усаживая девчонку к себе на колени, поинтересовался Бурый, словно до него только что дошел смысл Марининых слов. – Это не я – это ты ко мне приехала, так что делать будешь то, что я тебе скажу.

– Я не собираюсь обсуждать серьезную проблему при посторонних! – отрезала Коваль.

– Ты не груби, я ведь и рассердиться могу, – предупредил он, поглаживая девку по колену. – Твой кобель, кстати, в подвале, там некомфортно, совсем не так, как в твоей постели, хоть о нем подумай, раз себя не жалко.

– Я последний раз спрашиваю – мы будем разговаривать или нет? – Она теряла терпение, понимая, что в любой момент сорвется и все испортит.

– Видишь, Лялечка, какие грубые бывают женщины? – с притворным вздохом обратился Бурый к своей соплячке. – Это неправильные женщины, детонька, таких мужчины не любят. Мы любим покладистых, мягких, покорных. А таких, как наша Наковальня, называют стервами, их частенько убивают, кстати.

Девчонка опять хихикнула и обняла Бурого за шею.

– Стерва – от слова «стервятник», – блеснула интеллектом малолетка, и Марина поморщилась от отвращения:

– А стервятники падаль уничтожают, если ты этого не знала. Поняла намек? – Переведя взгляд с растерянного лица малолетки, она посмотрела на ухмыляющегося пахана. – Я не узнаю тебя, Бурый, самому-то не противно?

– А бугая своего узнаешь? – фыркнул он, подзывая Друяна, и Коваль поняла, что в этом-то и заключался великий смысл приглашения – заставить непокорную Наковальню унизиться и просить его, Бурого, отпустить Женьку.

«Блин, одного не пойму – чего медлят хваленые бесовские парни? Собрался убить – сделай быстро, не раздумывая, так говорит кодекс самурая, так учил меня Череп, и только так я всегда и поступала, если приходилось. Уроды, еще немного – и момент упущен...» – стрельнув глазами в сторону спецов, подумала Марина.

Все это пронеслось в голове мгновенно, за сотую долю секунды, как вспышка. Бурый внимательно изучал Коваль, уставившись прямо в лицо, но и она не сводила с него глаз, если бы могла метать ими молнии – уже убила бы. Даже когда на пороге комнаты появился Хохол, сопровождаемый Друяном, Марина не повернула головы, просто почувствовала, что он здесь, а сама продолжала сверлить ненавистную рожу пахана взглядом, и тот не вынес:

– Ты на кого гляделки вывалила, лярва? Я тебе не твои ценки, на них зыркать будешь!

– Ответ, достойный уважаемого человека! – преспокойно прокомментировала она.

– Сука, ты мне ответишь! Что, будем договариваться или твой кобель сейчас сдохнет прямо тут? Я даже ковра не пожалею, залью кровью твоего фраера, – он кивнул в сторону Хохла, и Коваль тоже повернулась к Женьке.

Он стоял за ее спиной в одних спортивных брюках, видно, прямо во время пробежки его и умыкнули, на запястьях наручники, все лицо – один сплошной синяк, даже глаз не видно, да и левая рука в каком-то странном положении, такое впечатление, что она отдельно от туловища. Марина вздрогнула, но быстро взяла себя в руки:

– Да, Бурый, на такое только ты способен – шантажом заставлять кого-то что-то делать. Ведь мы могли с тобой все по-хорошему решить.

– Ты отказалась – по-хорошему! – отрезал Бурый, стряхивая с колен девчонку. – Так, все – Лялька, вон отсюда, и вы все – тоже! – рывкнул он на Маринину охрану и на Друяна в том числе. – Пошли вон, я сказал!

Да, момент был упущен, Коваль сразу поняла, что теперь все решать придется ей, потому что эти трое «спецов» со своей квалификацией годятся только кое-чем груши околачивать.

Они остались втроем, Бурый насмешливо смотрел на Марину, а потом выдал:

– Странный народ – бабы! Что, ты не нашла себе достойного человека после гибели Малыша? Под охранника завалилась?

– Заело, что не под тебя? – отпарировала она тут же. – Не кажется, что ты не в своем огороде роешься?

– Ох, какие мы страшные! Ты мне на хрен не нужна. А если захочу, сама попросишь.

– Не говори ерунды, это опасно! Вспомни, чем закончилось подобное мероприятие для Строгача! – выпалила Коваль и осеклась, поняв, что теперь выхода нет и придется валить Бурого по-любому, иначе ей крышка.

– Так все-таки это ты была, курва?! Ну, я ведь так и подозревал, и Печатник мне говорил! Это ты, лярва подзаборная, Серегу завалила вместе с Азаматом! – завопил пахан и, как Марина того не ожидала, подскочил и схватил за волосы. – Ты, курва, и твой отморозок! – Он ударил ногой в живот метнувшегося на помощь Марине Хохла, и тот, не устояв, свалился на пол.

Коваль взвизгнула и попыталась вырваться, и на звук ее голоса в комнату влетели Сева с Геной, а в коридоре послышалась возня и звуки ударов.

– Стоять, суки! – заорал Бурый, выхватывая из кармана халата пистолет и приставляя его к Маринину виску. – Стоять, иначе я ее грохну!

– Назад все! – рявкнул Хохол, стараясь встать, и в этот же момент Гена выстрелил точнехонько между глаз Бурого. Тот мешком рухнул на пол, увлекая за собой и Марину.

Его рука запуталась в ее волосах, Коваль никак не могла высвободить их, потом, разозлившись, рванула изо всех сил, и нарощенные пряди остались на скрюченных в предсмертной судороге пальцах Бурого. Во дворе слышались выстрелы, телохранители перекрыли вход в комнату и окно, предоставив бесовским пацанам самим решать свои проблемы, а Хохол опустился на колени около Коваль и разбитыми в кровь губами прошептал ей в ухо:

– Киска моя, как ты, родная?

Она кое-как поднялась и велела Севе:

– Иди обыщи труп Друяна в коридоре, такой блондин противный, еще нос у него набок, – пояснила телохранителю, не бывшему в курсе, кто есть кто в этом доме. – У него должен быть ключ от наручников. Гена, что там? – кивнула в сторону окна.

– Вроде все кончилось, – отозвался он. – Пойду проверю.

Сева принес ключ и отомкнул наручники, освобождая Женькины руки, Марина прощупала его плечо и сразу поняла, что левая ключица у телохранителя сломана, поэтому рука так и висит.

– Больно, Женя?

– Больно, киска. Но ты со мной – все остальное мелочи.

Вернувшийся Генка сообщил, что три невзрачных «спеца» перемочили всю буровскую охрану и теперь ждут Марину, чтобы ехать домой – миссия выполнена.

– Ты дойдешь до машины? – она обняла Хохла за талию, пролезла под правую руку, поддерживая.

– Не переживай, киска моя, я в порядке, ведь... – договорить он не успел – сухо щелкнул выстрел, Хохол стал заваливаться на нее, но Сева с Генкой подхватили.

И тут Коваль вывернулась из-под Женькиной руки, вырвала пистолет у обалдевшего Севы, бросилась в коридор, по которому убегал Валет, таща за собой мелко семенящую ногами Ляльку. Однако телохранитель мгновенно пришел в себя, в два прыжка догнал хозяйку и, выкрутив ей назад руку, отнял пистолет.

– Стой, сука! – заорала Марина, вырываясь из рук Севы, державших ее мертвой хваткой.

Однако Валет не остановился, а повернулся и выстрелил несколько раз в ответ – Сева едва успел затолкнуть Коваль в открытую дверь кабинета. Резко высунувшись из-за двери, выстрелил сам, попав девчонке в голову. Она упала, не успев даже понять, что произошло –

пуля раздробила затылок. Вторым выстрелом Сева достал и Валета, чуть-чуть не успевшего повернуть за угол. Коваль опустилась на пол и заорала, молотя кулаками по пестрому паласу – нервы сдали, не выдержав напряжения. Сева, покачав головой, убрал пистолет в кобур:

– Ну и прыть у вас, Марина Викторовна! Еле поймал!

– Что... что с Хохлом? – вытирая глаза, пробормотала она, и Сева успокоил, помогая подняться:

– Жив он, только надо скоренько в больницу, у него там, кажется, легкое пробито.

– Так какого хрена мы сидим?!

– Мы не сидим, я вас догонял, а Генка охранника вашего в машину потащил.

– Поехали отсюда! Нет, погоди... – Марина велела ему принести из джипа канистру бензина и разлить ее по коридору, понаблюдала за процессом, спокойно уже закурила, любуясь на тлеющий кончик сигареты, а потом бросила ее прямо в лужицу бензина на паркете. Заполыхало быстро, Коваль еще немного постояла, глядя на то, как пламя охватывает буровские хоромы, а потом пошла к выходу, кивнув Севе.

«Надо же – хладнокровная, как лягушка! – изумленно подумал телохранитель, следуя за хозяйкой. – Столько народу у нее на глазах замочили, а она с сигареткой постояла, дом запылила – и отваливает, как с надоевшего киносеанса! Вот тебе и баба!»

Женька лежал на заднем сиденье «Хаммера» бледный, почти без сознания, хрипло и трудно дышал, на губах появилась кровавая пена. Марина села рядом с ним, осторожно положила его голову себе на колени и приказала Юрке гнать что есть скорости. Всю дорогу гладила Женьку по бритой голове и шептала, чтобы только не дать ему потерять сознание:

– Женечка, родной мой, не оставляй меня, у меня больше никого нет... пожалей меня, пожалуйста, не бросай, не уходи...

– Киска... киска... не плачь... – с трудом выговорил он, закашлявшись, и она положила руку ему на грудь:

– Ш-ш-ш! Успокойся, родной, молчи... я с тобой, я никуда не уйду, в больничке с тобой останусь... Женечка, ты держись, пожалуйста...

Около самой больницы он впал в забытие, перестал даже двигать здоровой рукой и гладить Маринины пальцы.

Джипы, взвизгнув тормозами, замерли у крыльца приемного покоя, и Сева выпрыгнул, даже не дослушав данное хозяйкой распоряжение:

– Сева, бегом в приемное, бери каталку и санитаров!

Исполнительный телохранитель мигом организовал и то, и другое, Хохла осторожно переложили на каталку и повезли внутрь, Коваль пошла следом, но Гена перехватил ее:

– Марина Викторовна, у вас все брюки в крови...

– Не до того! – отмахнулась она, вырывая руку и почти бегом направляясь в приемное отделение, где около Женьки уже собрались хирурги, в том числе и ее бывший однокурсник Валерка Кулик. – Валера!

– О, Маринка! – обрадовался он. – Посиди тут, ладно? Сейчас с клиентом решим и пойдем ко мне в ординаторскую, кофейку попьем, за жизнь поговорим!

– Валера, ты не понял – я не в гости зашла, там мой телохранитель. Я прошу тебя – помоги мне, он должен выжить, я в долгу не останусь...

– Но кофе все равно попьем! – Валерка решительно пошел в пропускник, и оттуда Марина услышала его голос: – Работаем быстро и аккуратно, клиент очень важный, потерять права не имеем!

Коваль успокоилась немного, поняв, что Валерка все сделает так, как нужно, села на скамейку и прикрыла глаза. Рядом устроились охранники и Юрка, переживавший не меньше Марины – они с Хохлом успели привыкнуть друг к другу и даже подружиться.

– Сева, скажи Коту, пусть он бесовских отвезет туда, откуда забрал, – не открывая глаз, попросила Коваль, и он ушел.

Марина долго сидела в такой позе, даже вздремнуть успела, положив голову на широкое Генкино плечо. Открывая глаза, она сразу видела огромные белые часы с черными цифрами, укрепленные прямо над дверью оперблока. Время шло, а новостей не было, Коваль уже ненавидела это тикающее устройство и его бегущие по кругу стрелки. Ей начало казаться, что часы отсчитывают минуты и часы, отведенные Женьке, и от этого открытия она разозлилась еще сильнее. Наконец из операционной вышел Кулик, тронул за руку, и она встрепенулась:

– Что?

– Успокойся, все нормально. Жив твой охранник, в послеоперационную увезли. Ну, пойдём ко мне?

– Да, только сначала... можно мне к нему?

– Только пять минут, – предупредил Валерка.

В послеоперационной палате хирургии Женька лежал один, еще две койки пустовали. Лицо Хохла было по-прежнему бледным, глаза в густых ресницах плотно закрыты, губы сжаты. Марина села рядом с ним, взяла за правую руку, так как левая была загипсована и уложена в косынку, погладила прохладные пальцы.

– Женечка, все хорошо, все нормально, родной... я с тобой, я здесь...

– Так, дорогая, будешь реветь – больше не зайдешь! – Валерка поднял ее с постели и увлек за собой, но она вырвалась:

– Я посажу здесь охрану!

– Главный врач будет возражать...

– Да мне по фигу! Два дня назад здесь зарезали моих охранников и застрелили заместителя, и я повторения не допущу!

– Хорошо, хорошо, только не ори, истеричка! Сажай своих людей, и пойдём пить кофе, а то я уже с ног валюсь и курить хочу так, что уши пухнут, – отмахнулся Валерка, понимая, что бороться бесполезно.

Оставив у постели Хохла Севу, Коваль пошла в ординаторскую, разрешив Юрке ехать домой и предложив то же самое Гене, но тот отказался:

– Я должен быть с вами, ведь Севка в палате!

– Хорошо, только не отсвечивай, я устала...

Они с Валеркой уселись в ординаторской, он сварил крепкий кофе, подвинул пепельницу:

– Курить-то не бросила?

– Тут бросишь! – Марина вытащила свою пачку. – Как живешь-то?

– Какая жизнь на врачебную зарплату? У меня ведь двое детей, жена не работает, я дежурю по полутора суток три раза в неделю, – вздохнул Кулик, теребя в пальцах дешевую болгарскую сигарету.

Ничего нового он не сказал, Марина и сама прекрасно видела, что зарплата у него та еще, да и не изменилось ничего в системе здравоохранения с момента ее ухода. Как жили врачи, перебиваясь кое-как, так и продолжают, как горбятились в больничке, чтобы заработать лишнюю копейку, так все и идет. И Валерка не единственный. А ведь хирург способный, и отделением вон заведует, а материальной отдачи никакой.

– Так уходи, – пожалла она плечами, отпивая кофе. – Что тебя здесь держит?

– И куда? Это ты вот молодчинка, сумела, а я не такой. А помнишь, как вы с Нисевичем на лекциях спали на последнем ряду? – вдруг вспомнил Валерка. – Ты тогда уже в больничке вкалывала, уставала, синяя вся ходила и спала на ходу, а он тебя оберегал, любил...

– И вспомни, что он потом со мной сделал, – посоветовала Марина. – Ведь ты меня лечил.

– Да... крыша поехала у него, что ли? Слушай, а ведь ты замужем была? Где муж-то?

– Погиб, – сказав это, Коваль удивилась своему спокойствию – так буднично ответила...

– Извини.

– Я привыкла уже, это не вчера произошло. Валера, ты помоги мне, ладно? Я сказала, что не останусь в долгу, и слово сдержу, заплачу, сколько скажешь, только все сделай, чтобы Женька мой выжил. – Она смотрела просительно, что было совершенно нехарактерно для той Марины, что Кулик знал еще с первого курса института.

– Ну, ты даешь, подруга! – покачал головой Валерка. – Как же тебе не стыдно?

– Что стыдного в том, что твоя работа будет нормально оплачена? Я привыкла так вести свои дела, уж извини за резкость.

Она ушла в палату к Хохлу и прилегла на кровать рядом с его койкой, сняла окровавленные джинсы и забралась под простыню. Сон не шел, Марина то и дело поднималась, чтобы проверить, как дышит Женька, поправляла одеяло, просто прикасалась к его щеке, чтобы он чувствовал, что она рядом с ним. У него поднялась температура, Хохол метался по кровати, рискуя свалиться, Марине огромных трудов стоило удержать его. Прибежавшая на вызов медсестра сделала два укола, принесла пузырь со льдом, и Коваль прикладывала его к пылающему лбу любовника до тех пор, пока температура не начала снижаться. Именно в эту ночь Марина поняла, что уже не сможет жить без Женьки, что сейчас у нее нет никого ближе и дороже.

К утру она все же свалилась, не выдержав нервного перенапряжения. Часов около десяти водитель Юра привез Дашу, а та, умница, прихватила Маринины вещи, понимая, что хозяйка останется в больнице до тех пор, пока не появится возможность забрать Женьку домой.

– Завтра похороны, – тихо произнесла она, помогая Марине переодеться.

– Да, я помню. Ты поедешь со мной?

– Если возьмете...

– Дурочка, он тебе не чужой был, я ведь знаю. – Коваль пошла к раковине, чтобы умыться, и тут в палату ворвалась Виола, вся в красном, бросилась к подруге:

– Господи, Маринка, с тобой все в порядке? Я чуть с ума не сошла...

– Что такое? Ты вообще откуда здесь? – поморщилась Коваль. – И не ори – Женька спит.

– Ой, мама! Что с ним? – Ветка развернулась в сторону кровати и уставилась на неподвижно лежащего Хохла.

– В него стреляли. Так что ты там бормотала?

– В «Новостях» передали, что сгорел дом Бурого, я позвонила тебе, охранник сказал, что ты к нему уехала, а теперь в больнице, – затараторила Ветка.

– И ты решила, что это я Бурого приговорила? – усмехнулась Коваль, вытирая полотенцем лицо.

– Дура! – обиделась Ветка. – Я перепугалась, что ты тоже там была!

– Ладно-ладно, не обижайся, моя девочка! Иди ко мне. – Марина раскинула руки, и Ветка обняла ее, поцеловала в шею. – Так, стоп! Не увлекайся, мы в больнице!

И тут с койки Хохла раздалось:

– Сука, руки убери...

Коваль вздрогнула от неожиданности и обернулась – на нее в упор смотрел очнувшийся Женька, и Марина кинулась к нему, падая перед кроватью на колени:

– Женечка, родной, ты как?

Здоровой рукой он растрепал ее волосы и хриловатым от наркоза голосом попросил:

– Попить дай...

У нее голова пошла кругом от счастья – раз очнулся, заговорил, значит, все хорошо. Даша подала стакан с водой, и Марина стала поить Хохла с ложки, хотя руки тряслись и ложка то и дело стучалась о край стакана. Женька быстро устал, закрыл ввалившиеся глаза. Марина намочила полотенце, осторожно обтерла его разбитое лицо, грудь, где было возможно. В палате стало душновато, но открывать окно Коваль боялась – после операции любой сквозняк может привести к пневмонии. Хохол снова очнулся, протянул руку, коснулся Марининого колена:

– Езжай домой, киска... не сиди тут... мало ли что...

– Дурак! – рявкнула она. – Не смей говорить мне такого! Я буду с тобой столько, сколько нужно, до тех пор, пока не поставлю тебя на ноги!

– Киска... не кричи на меня...

– Да, родной, не буду... – сразу опомнилась она, прижимая его руку к своей щеке. – Ты поспи, ладно? Я покурить схожу и вернусь. Даша, побудешь?

– Да, Марина Викторовна, вы идите. А может, с Виолой Викторовной до кафе доедете?

Даша заняла Маринино место возле кровати и привычным жестом подперла кулаком щеку, глядя на Хохла. Марина тоже смотрела на него и разрывалась между желанием выйти отсюда хоть на часок и боязнью оставить его.

– Конечно, Даша, о чем речь! – решительно сказала Ветка, беря подругу под руку. – Часа на два подменишь мать Терезу?

– Заткнись, дорогая! – процедила Марина, вернувшись к Хохлу и поцеловав его в губы. – Не скучай, ладно?

– Езжай, киска...

Позвав Севу, Коваль велела ему остаться возле Дашки и Хохла, а Генку взяла с собой, и на Веткиной «бэшке», сопровождаемые «Хаммером», они поехали в кафе неподалеку от больницы. Пока делали заказ, зазвонил Маринин телефон. К удивлению Марины, это оказался отец.

– Папа, ты как меня нашел?

– Дорогая, твой брат в милиции служит! Я даже не знал, что ты так часто телефонный номер меняешь, – рассмеялся он. – Как ты там, доченька?

– Хреново, пап, – призналась она, обрадованная возможностью пожаловаться близкому человеку. – Женьку ранили вчера, он в больнице, а позавчера убили моего заместителя и четверых охранников. Гора трупов, папа.

– Ты сама-то как?

– Да мне-то что? Я в порядке.

– Хочешь, я к тебе приеду? – предложил он, но Коваль отказалась:

– Не стоит, пап. Твой приезд только осложнит мне жизнь, если честно. Ты лучше просто звони мне, ладно?

– Береги себя, доченька, обещаешь?

– Обещаю.

Разговор расстроил – отец слишком плохо знал свою дочь, прося об осторожности, и то, что она пообещала, вовсе не означало, что так оно и будет.

– Чего напряглась? – поверх ее руки легла Веткина, поглаживая пальцы.

– Так...

– Может, ко мне поедem? – осторожно предложила подруга. – Душ примешь, то, се...

– Знаю я твое «то, се»! – засмеялась Марина.

– Ты плохо выглядишь, а у меня сможешь немного отдохнуть, я тебе чайку заварю с травками, поспишь нормально...

Генка проводил до квартиры, прошелся по всем комнатам, убедившись, что там никто не поджидает, и уехал наконец-то.

– Слушай, а он серьезный! – оценила Веточка, сбрасывая туфли и босиком направляясь в кухню. – Кофе будешь? У меня твой любимый «Айриш» есть!

– Вари, – согласилась Коваль, утопая в мягком зеленом кресле и вытягивая ноги.

Пока подруга суежилась на кухне, Марина позвонила Стасу и узнала все про завтрашние похороны, поблагодарила заодно за предоставленную охрану. А потом раздался и звонок от Беса:

– Привет, красотуля! Жива-здорова?

– Обалдеть! Ты бы еще через год позвонил!

– Что, успела все-таки испугаться? – полюбопытствовал Григорий.

– Твои лохи чуть не упустили свой шанс, еще немного – мне бы голову оторвали, а их бы просто грохнули! – возмутилась Коваль.

– Ну прости, дорогая! – засмеялся Бес. – Зато теперь все утряслось, каждый получил то, что хотел. Через неделю жду к себе в отель, будем общаться на тему дальнейшей жизни. Поняла, надеюсь?

Что тут непонятного – сходка, где новый пахан выдвинет свои условия.

Коваль решила, что согласится со всем, лишь бы ее не трогали, потому что уже устала делить территорию, устала отстаивать свои интересы. В душе она рассчитывала, что Бес слишком много не запросит, учитывая, что именно Марина помогла ему влезть на эту елку. Надеюсь, что все останется так, как было.

– О чем задумалась? – раздался голос Ветки, вошедшей в гостиную с подносом, на котором стояла литровая бутылка «Санрайза», две чашки, медная джезва с дымящимся кофе и тарелка с лимоном.

– О жизни. А ты решила напоить меня с утра пораньше? Я уже давно это не практикую.

– Вспомним молодость! – подмигнула она, садясь в кресло напротив и наливая текилу в стаканы. – Давай за Женьку, чтобы скорее поправлялся.

С этим предложением трудно было не согласиться, они выпили, и Марина вспомнила позабытое немного в последнее время ощущение от бегущей внутри обжигающей жидкости. Это оказалось очень приятно.

В больницу Марина вернулась только после обеда, Хохол не спал, полусидел в постели и смотрел на дверь. Коваль вошла, и его глаза засветились от счастья.

– Киска моя... ты приехала...

Говорить ему было трудно, дыхания не хватало, поэтому Марина покачала головой и попросила:

– Давай без текста, ладно? Даша, как тут дела? – Коваль повернулась в сторону сидящей на стуле у тумбочки домработницы.

– Да есть не хочет совсем, – пожаловалась та, и Хохол глянул на нее недобро. – Ты на меня, Женечка, не зыркай! Я ведь хочу, чтоб Марине Викторовне полегче было, она совсем одна, закрутилась уже, скоро упадет, а ты еще и капризничаешь, как ребенок!

– Все-все! – остановила Марина. – Ты можешь с Юркой домой ехать.

Даша ушла, Севу Коваль отпустила в кафе пообедать, осталась с Женькой вдвоем. Села к нему на постель, погладила по щеке:

– Тебе лучше?

– Мне лучше оттого, что ты со мной.

– Глупый, куда я денусь?

Он поймал ее руку здоровой рукой, поднес к губам и, помолчав, спросил:

– От тебя текилой пахнет... где была?

– У Ветки.

– Ложись ко мне... я так соскучился по тебе, моя киска... – Он накинул на Марину простыню и прижал к себе. Коваль почувствовала, как он весь напрягся, как его рука бродит по ее телу. – Киска... мне тяжело наклоняться... ляг повыше... – Марина приподнялась и осторожно просунула руку ему под шею, прижав к груди его голову. – Господи, родная моя... я с ума сойду...

Она сильнее прижалась к нему, закинув ногу на его бедро, и задремала.

Ближе к вечеру ее вдруг посетила шальная мысль – надоели нарощенные лохмы, захотелось стрижку. Не имея привычки откладывать что-либо, Коваль позвонила в салон и сказала, что приедет к закрытию. Удивленная Олеся, ее бессменная парикмахерша уже в течение нескольких лет, спросила:

– Что-то произошло, Марина Викторовна? Вы ж никогда стрижку не носили?

– А теперь вот хочу! Снимай эти веревки, надоели – жуть!

Олеся возилась с ее головой почти до ночи, снимала нарощенные пряди, потом втирала какие-то маски, составы и еще что-либо, потом красила и стригла, укладывала... Из «Бэлль» Коваль вышла только к одиннадцати часам, имея короткую «рваную» стрижку, сделавшую ее похожей на совсем молодую девчонку, особенно если в темноте и при макияже...

Хохол разорался, когда все это увидел:

– Зачем?! Тебе с длинными было лучше!

– Женя, волосы – не голова, отрастут или наростим, – успокоила Марина. – Тебе не нравится?

– Нравится-нравится, – усмехнулся он. – Ты какая-то другая стала... и я тебя от этого еще сильнее хочу...

– Куда сильнее-то? – пошутила она, глазами показав на вставшее дыбом одеяло, и Хохол засмеялся, вмиг закашлявшись. – Жень, тебе плохо? – испугалась Марина, но он отрицательно покачал головой.

– Нет, киска, это просто от смеха... Ты домой ехала бы, я и один полежу.

– Ага, сейчас! Один он полежит! Даже не надейся – чтобы тебя тут чужие бабы руками лапали?! – Ну, положим, это она сказала просто для того, чтобы сделать ему приятное, но Женька купился:

– Киска, да кому я нужен? – Но Марина видела, что ему ее слова понравились. «Ей-богу, мужики как дети!»

– Мне ты нужен, понял, мне! И давай спи уже.

Коваль поцеловала его в губы, погладила бритую голову, задержав руку на щеке. Он закрыл глаза, принимая эту маленькую ласку с благодарностью. Хохол всегда говорил о том, что ему ничего не нужно – ни власти, ни денег, – только бы Марина была с ним. Чтобы она хотя бы притворилась, вид сделала, что именно он, Хохол, главный мужчина в ее жизни.

– Женька, а ведь я впервые поняла, что не могу без тебя, – вдруг призналась она совершенно искренне. – Представляешь, я даже думать не хочу об этом.

– Я никуда не собираюсь от тебя, моя родная, мне некуда. Ты ложись, отдохни – завтра у тебя тяжелый день... а меня рядом не будет... – И его бледное лицо осветилось какой-то виноватой улыбкой, словно в том, что Марине придется пройти через все тяготы завтрашнего дня одной, был его, Хохла, злой умысел.

– Перестань, я тебя прошу. Ты не волнуйся, видел же, каких мне Стас бугаев подогнал, – она поправила одеяло, опять погладила Женьку по щеке.

– И мне теперь места возле тебя нет, – закрыв глаза, пробормотал Хохол.

– Совсем больной? Несешь какую-то чушь! – возмутилась Марина, легонько щелкнув его по носу. – Места ему мало! Ты поправляйся, а там решим.

Похороны Розана, Дрозда и пацанов из охраны прошли без эксцессов, но Марина находилась в каком-то плотном тумане, все эти три дня ей просто некогда было осознать, что их нет больше и не будет уже никогда. И Розан больше никогда не приедет...

Коваль стояла над его могилой и не верила до конца в то, что через пару минут на месте вот этой зияющей дыры, в которую опустили гроб, появится земляной холм, и не будет больше Сереги Розанова... Слезы мешали, застилая глаза, рядом негромко плакала Ветка, вокруг стояли пацаны, окружив пять могил плотной стеной. Все молчали... да и что говорить – это была

серьезная, ощутимая потеря для всех, не только для Коваль. К ней подошел Барон – Серегин приятель, с которым они вместе сидели, а теперь верный помощник во всех делах, касавшихся финансов. Он наклонил плешивую голову, утыканную пучками волос, словно клумба травяными кочками, и спросил:

– Вы слышали про Бурого, Марина Викторовна?

– Слыхала.

– Говорят, его Бес завалил.

– Ну? – Коваль внимательно посмотрела в глаза Барона, чуть сдвинув свои черные очки

– Нет, я в том смысле, что нас бы не потрянул...

– Не переживай – нам ничего не грозит. Слушай, Барон, а слабо вместо Сереги? – Марина знала, что до отсидки был Барон крупным взяточником, занимая приличный пост в каком-то еще совдеповском учреждении, и денежки считал, как банкомат.

– Куда – в «Империю»? – удивился он.

– Да. Ты ведь все равно в теме, помогал Сереге, так почему самому не порулить? – Марина испытующе смотрела через темные стекла очков в покрасневшее лицо Барона. Он вытащил платок, вытер вспотевший лоб, снова сунул скомканный платок в карман:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.